

★ ВЕЛИЧИЕ РОДИНЫ – В ВАШИХ СЛАВНЫХ ДЕЛАХ ★

# СПЕЦНАЗ



ОПЕРАТИВНОЕ  
ВТОРЖЕНИЕ

Михаил НЕСТЕРОВ



Михаил Нестеров  
**Оперативное вторжение**

«ЭКСМО»

2004

## **Нестеров М. П.**

Оперативное вторжение / М. П. Нестеров — «Эксмо», 2004

Отряд чеченцев в «шестьдесят сабель» с шестью смертницами-шахидками захватил железнодорожный вокзал в крупном российском городе. План террористов досконально продуман, все мелочи учтены. Кажется, ничто не спасет сотни заложников от жуткой смерти... Однако в последний момент по приказу полковника ГРУ Артемова на захваченный объект тайно проникла группа спецназовцев. Они взяли «языка», получили ценные сведения и сумели передать их руководителю оперативного штаба генералу Кудряшову. Только когда на «спецов» неожиданно напали несколько десятков боевиков, они поняли, что их жестоко подставили...

© Нестеров М. П., 2004

© Эксмо, 2004

# Содержание

Глава 1	6
1	6
Глава 2	9
2	9
3	15
Глава 3	22
4	22
5	25
6	28
Глава 4	32
7	32
8	37
9	39
10	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

# Михаил Нестеров

## Оперативное вторжение

*«В твоих руках излечение всех болезней на свете, но для этого ты должен убить одного невинного ребенка. Сможешь ты его убить?.. Это же великое благо. А десять? А сто? А тысячу человек если надо убить? Не для того, чтобы спасти мир, а для того, чтобы сохранить наш образ жизни. Тысячи погибают просто так каждый день, без причины. Ты что, плачешь по ним?..»*

*Доминик Сена, «Рыба-меч»*

*«Отступить нельзя. Ты все равно поднимешься в гору. Хоть у тебя и сломаны ноги».*

*Труман Бурбанг*

*Все персонажи этой книги – плод авторского воображения. Всякое сходство с действительным лицом – живущим либо умершим – чисто случайное. Взгляды и высказанные мнения героев романа могут не совпадать с мнением автора.*

# Глава 1

## Это было недавно...

### (Начало)

#### 1

*Москва*

Солнечным мартовским днем, наводненным цветами и женскими улыбками, молодой человек лет двадцати пяти вышел на станции метро «Комсомольская», поднялся на эскалаторе и огляделся. Комсомольская площадь преобразилась. Во-первых, она сменила название – с ударно-идеологического на приклатненное: Три вокзала. Во-вторых, появился «еще один мужик в пиджаке» – памятник первому начальнику российских железных дорог. Все очень знакомое, но в то же время – чужое.

От Казанского вокзала парень пошел по Краснопрудной улице, держа направление к универмагу «Московский». На ходу прикурил и невольно перебрал в уме названия: Комсомольская площадь, «Московский»... вокзал. Да, вокзал, тут ошибки не было.

Прежде чем войти в огромный универмаг, взятый по периметру Краснопрудным переулком, парень выкурил еще одну сигарету. В определенных кругах его звали Чила. Высокого роста, худощавый, Чила был одет в спортивную куртку, темные брюки и стильные светло-коричневые ботинки. Голова была неприкрыта, глаза скрывали солнцезащитные очки. В прошлом году он покупал в этом универмаге одну вещь. Сегодня мог приобрести ее в любом охотничьем и даже неспециализированном магазине. Прийти сюда заставила не логика, а некая последовательность. Во всяком случае, он посчитал, что так будет символичней.

Охранник, одетый в темно-зеленую форму, посторонился, пропуская покупателя, и вышел покурить. Он едва не пустился за парнем вдогонку, увидев дымящийся окурок в метре от урны. Зло взглянув на застекленную дверь, охранник затоптал бычок.

Вообще универмаг «Московский» всегда был для приезжих. Целый торговый мир с подсвеченными лабиринтами витрин и стеллажей. Чила родился и вырос в Москве, но в этом универмаге был всего несколько раз: посчитать можно было по пальцам и не разуваясь. Последний раз – когда приезжал в отпуск. Отпуск, о котором мало кто знал.

9.30. Обычно в это время покупателей было меньше, чем продавцов. Не доходя до секции одежды фирмы «Fishbone», парень свернул направо и уверенно направился к знакомому отделу.

Чила шел вдоль длинного стеллажа с закрытыми стеклянными дверцами и взглядом знатока осматривал холодное оружие, которое здесь именовалось: «Для хозяйственных целей». Вот отличная модель «G-10», лезвие открывается и закрывается одной рукой. Нож с клеймом легендарной немецкой фирмы «Zolingen», с длинным лезвием и пилкой на обухе. Шведский нож с длинным и острым лезвием, но с «рыбным уклоном»: ему по силам разве что рыбное филе. Нож типа «бак», и тоже складной.

Все не то.

Дальше.

«Полицейский» нож «Timberlin» годится для скрытого ношения, но для предстоящей работы он непригоден.

Следующая витрина. На средней полке ножи для метания типа «оса» и все с тем же «предостережением»: «Для хозяйственных целей». «Забавно», – сказал бы один знакомый

Чиле конвойный. Интересно, где он сейчас? Может, сам парится на нарах?.. Вот это было бы действительно забавно.

Нижняя полка...

Здесь как раз то, что нужно, и выбор богатый.

«Master Hunter». Взять его? Упор маловат. Финка «пууко» вообще без упора, но с роскошным рабочим лезвием.

Парень заметил, что в этом отделе продавцы с советами не лезли, услуги консультантов не предлагали. Такое чувство, что попал в магазин с броской вывеской: ВСЕ ДЛЯ УБИЙСТВА. Выбрал, заплатил, ушел и не поймал на спине никакого взгляда. Здесь даже спасибо за покупку не говорят.

«Оборотень-2». Знакомая штука. Очень даже знакомая.

Проехали.

Вот еще один финский нож. Ручка простенькая, хотя сделана из самшита, а лезвие отменное. Наконечник и кольцо с упором металлические, матово поблескивают инкрустированным мельхиором. Выточка неглубокая, но длинная, заканчивающаяся на уровне короткой бородки. Похоже, заострен неплохо. Но это ерунда, лезвие так и так надо доработать. И над ножами придется посидеть.

Чила отсчитал две с половиной тысячи, забрал покупку и направился к выходу. Но непредвиденно задержался еще в одном отделе. С наружной витрины секции мягких игрушек на него смотрел плюшевый слон... Уши большие, глаза добрые, больше похож на мамонтенка. Может быть, Чила не обратил бы на него внимания, но рядом с ним пристроился... утенок.

Мистика. Наваждение. Чила даже потрянул головой.

*«Я вообще медленно бегаю», – сказал Утенок.*

*«А я вообще в шахту не пролезу», – сказал Слон.*

*И все посмотрели на Лилипута.*

Детская передача закончилась.

Чила завернул в отдел игрушек. К нему тотчас подошла молоденькая продавщица с бейджиком на груди: «Ирина Николаевна Скоблина. Продавец-консультант» – и спросила, чем она может помочь.

– Что? – спросил Чила. – Говорите громче, я плохо слышу.

Он снял очки, и девушка увидела его большие серые глаза. Взгляд не улыбочивый, недоброжелательный, но и не отталкивающий. Невольно оценила его. Тряпки – класс, внешность... на троечку с плюсом. Даже несимпатичный. Наверное, не в ее вкусе. Лицо круглое, нос с горбинкой, волосы очень короткие, но с обозначенной челкой. Ирина невольно бросила взгляд на его руки. Нет, пальцы «чистые», без татуировок. Отчего-то облик раннего покупателя игрушек внушил ей, что перед ней... уголовник. Странное ощущение, подсознательное. Может, она видела его раньше? Где? На стенде «ИХ РАЗЫСКИВАЕТ МИЛИЦИЯ»?

На помощь подруге подросла другая консультантка. Парень-продавец корпел над журналом, пытаясь по бирке определить цену милого плюшевого щенка. На Чилу тут же посыпалось:

– Смотрите, какой симпатичный песик! Есть корейские кошечки.

Ему показали корейских голубоглазых кошечек.

– Мне нужен слон, – ответил Чила, – там, на витрине. – Он говорил неестественно громко, как глухонемой.

– Берите, берите, – щебетала продавщица, снимая с полки слона. – Африканский, между прочим, слон. Видите, уши копируют Черный континент?

– Копируют?.. – Чила нежно погладил слона по голове, коснулся мохнатого хобота. – Я возьму его. Еще мне нужен утенок.

Утенок оказался... заводным. С широким клювом, коротким хвостом...

*Утенок с наивным, провинциальным взглядом.*

Парень проглотил ком, подступивший к горлу. Он отказался от помощи продавщиц и, снова пряча глаза за темными стеклами, медленно пошел вдоль современных стеклянных стеллажей. Чила искал еще одну игрушку – *теперь уже вынужденно*, хотя не был уверен, что такая вообще существует. Если бы мог, сделал бы ее сам: сшил, связал, выстругал из дерева. Хотя несколько минут назад и не помышлял об этом.

Он остановился и взял с полки гномика в смешном полосатом колпачке и полосатых же гетрах, с книжкой в руках; ученый такой гном, в очках, как у Гарри Поттера.

– Смешной лилипут, – сказал Чила.

– Это гном, – произнесла продавщица, оказавшаяся за спиной.

«Лилипут», – мысленно поправил ее покупатель.

*«Передвигаться осторожно. Короткими перебежками. Маскироваться за прилавками и углами. Не стрелять. В крайнем случае работать ножами. Перед выходом из магазина всей группе – стоп».*

– Сколько с меня? – парень рядом со слоном и утенком положил лилипута.

– Двести двадцать пять плюс триста шестьдесят, – бормотал продавец, нажимая на кнопки калькулятора, – плюс двести пятьдесят. Итого восемьсот тридцать пять рублей. – Он повернул калькулятор в сторону тугого на ухо покупателя.

Расплатившись и прихватив пакет с игрушками, Чила оставил довольных продавцов. Зашел еще в один отдел и купил ранец «для взрослых», с которыми нередко можно увидеть студентов.

На улице Чила остановил частника и доехал до Метрогородка, где снимал квартиру. Заплатил за три месяца, но сегодня, когда прошло всего три недели, он проведет в ней последний день и последнюю ночь.

На углу Амурской и Монтажной Чила купил в магазине бутылку водки, сигарет. Потом вернулся и добавил еще бутылку пива.

*«Раньше в продпайке было пять основных продуктов. Два из которых – водка и пиво...»*

*«Что, уже гуляем?»*

Третий, но не последний подвиг разведчика.

Вошел во двор, поднялся в квартиру. Не разуваясь, прошел на кухню, задернул шторы. Выругался: «Совсем забыл про оселок». А лишний раз показываться на улице было опасно. Слава богу, в ящике стола нашелся приличный, хоть и немного засаленный, брусок.

Поставил на огонь кастрюльку с водой, бросил туда оселок. Через час он будет как новенький.

Еще через два часа нож был готов к работе. На рукоятке появились ребра жесткости – намотанные в трех местах узкие полоски лейкопластыря. «Неэстетично». Зато надежно. И смертельно.

Расставив на столе игрушки, Чила открыл бутылку водки и глотнул из горлышка.

*«За единение».*

Тихо прошептал:

– Я помню о вас, пацаны...

## Глава 2

### Спецназовский шампур

#### 2

*Москва, штаб Московского военного округа,  
19 февраля 2004 года, четверг*

На Космодамианскую набережную, где, помимо штаба МВО, располагались 69-й узел связи и 367-й отдельный батальон охраны и обеспечения, полковник ГРУ Михаил Артемов приехал ровно в девять утра. С трудом найдя место для парковки, он поставил свои «Жигули» четвертой модели между бойким «Фордом Мондео» и навороченным, но не очень дорогим «Опелем Астра». Тихо позавидовал неизвестному штабисту, который в случае ДТП имел возможность «прикорнуть» под шумок кондиционера на подушке безопасности. Артемов же в подобной ситуации мог вообще не догнать свою голову, вылетевшую через лобовой триплекс. Постовой – двадцатилетний солдатик в начищенных до блеска сапогах – попросил у полковника закурить. Одетый в гражданское, Артемов вытащил полупустую пачку «Примы» и протянул пацану со стандартной «сопроводилкой»:

– Бери, у меня еще есть.

От рядового до полковника военной разведки Артемов прошел путь длиною в девятнадцать лет. Как и большинство офицеров его поколения, он проходил службу в двух разных, по сути, армиях: Советской – СА и Российской – РА, а также в «промежуточном образовании», называемом Объединенными Вооруженными Силами Содружества Независимых Государств – СНГ. Кончину ОВС СНГ и рождение РА, которую в шутку называли «богом солнца», справляли в мае 1992 года, когда Борис Ельцин издал Указ об образовании Российской армии.

О своем довольно длинном пути военного Михаил Васильевич вспомнил неожиданно, читая новый еженедельник «Военно-промышленный курьер». Вообще, то, что он вчера почерпнул из «ВПК», оказалось для него откровением. Статья касалась «самого молодого генерала армии» – министра ГО МЧС Сергея Шойгу. В ноябре 1991 года «провинциал из Тувы» возглавил Государственный комитет по чрезвычайным ситуациям, будучи... старшим лейтенантом запаса. То есть от «старшего литер-запасника» до высшего военного чина – генерала армии – Шойгу добрался всего за десять лет. Что ни год, то новое звание. В общем, статья о «министре от политики» оставила в душе полковника военной разведки неприятный осадок, не вызвав ни зависти, ни раздражения, а что-то абстрактное и не поддающееся определению. Равно как и высокое звание тувинского провинциала и Героя России. Вот шеф ГРУ, лишь в прошлом году примеривший погоны генерала армии, шел к ним тридцать пять лет. И ему шли погоны с четырьмя звездами.

Дежурный сделал запись в постовой ведомости и разрешил полковнику пройти. Артемова встречал подполковник ВВС Виталий Шадрин. Офицеры обменялись рукопожатиями, и летчик, проходящий службу в оперативном отделе штаба, проводил гостя в свой кабинет.

Все три рабочих стола сейчас пустовали: на время беседы полковника ГРУ с капитаном-инструктором спецназа офицеры отдела «вышли покурить».

– Я приготовил все, что вы просили, Михаил Васильевич, – подполковник Шадрин указал на телевизор, «прописавшийся» на полке длинного стеллажа, на видеомagneтофон марки «Панасоник», стоящий полкой ниже. – Пульт на столе. Я вам больше не нужен?

– Нет, спасибо, можете идти. Позовите инструктора.

Через минуту в кабинет вошел подтянутый молодой человек в военной форме. Вытянувшись на мгновение по стойке «смирно», он представился:

– Капитан Соколик. Разрешите?

– Заходи, Виктор... Как там дальше?

– Просто Виктор.

– Мне это подходит. Меня называй Михаилом Васильевичем. Работаю я в Главном разведывательном управлении. Присаживайся. Кстати, не знаешь, что лучше: «пустая голова» или прикрытая задница?

Брови инструктора поползли вверх:

– Что, простите?..

Артемов улыбнулся:

– Не обращай внимания, это так, мысли вслух.

На счет стойки «смирно», которой военными, не обремененными головными уборами, приветствуется то или иное лицо, полковник имел собственное мнение. Жест – касание пальцами головного убора – подразумевает лишь одно: говоря современным языком, имитацию снятия этого самого убора, знак уважения. Соколик же, к примеру, приложил руки к бедрам, к штанам, короче, на уровне задницы. Имитация снятия штанов. Успокаивало то, что при этом устав не предписывал еще и повернуться кругом.

Артемов положил на стол свой рабочий портфель, вынул видеокассету и вставил ее в деку «Панасоника». На торце кассеты была сделана надпись: «2-я Бородинская, ... 2003 года». Нажав на клавишу воспроизведения, полковник устроился рядом с капитаном Соколиком – инструктором Учебного центра войск спецназа Московского военного округа<sup>1</sup>, приглашенного в штаб в качестве консультанта.

Прежде чем приступить к делу, полковник поинтересовался:

– Как доехал?

Капитан пожал плечами:

– Нормально, на служебной машине.

– Не на «Опеле Астра», случайно?

– Снова мысли вслух? – удачно сострил Соколик. Но на вопрос полковника ответил: – Приехал на «газоне».

– Ладно, вернемся к нашим делам. Запись не очень качественная, – пояснил Артемов. – Копия. К тому же черно-белая. Сделанная с правой, если стоять лицом к магазину, камеры слежения. Левая в тот день не работала. Я опущу следующие моменты: название магазина, где он расположен, имена лиц, снятых камерой слежения, – им ты можешь подобрать свои названия. Дальше. Система наружного наблюдения хоть и надежная, но старая. Если мне не изменяет память, американской фирмы «Инфаметрикс», – по слогам произнес полковник. – При естественном освещении работает отлично, а искусственное вечернее ей не совсем по зубам. Впрочем, сейчас увидишь. Секунду. – Артемов подошел к окну и по-хозяйски задернул плотные шторы. Кабинет погрузился в полумрак. – Смотрим. Вначале без комментариев. Время – в углу экрана.

Соколик кивнул и все внимание сосредоточил на экране телевизора, изображение на котором при таком освещении стало очень четким.

22.17. Справа показывается «Мерседес» светлого цвета. Останавливается. На его полировке и стеклах отражаются фонарные и витринные огни. Открывается передняя дверца. Из машины выходит крупный человек лет тридцати-сорока. Несколько секунд смотрит в сторону магазина. Оглядывается. Открывает заднюю дверцу. Придерживает ее правой рукой. Из машины выходит человек. Такой же крупный. Камера позволяет определить кавказский тип

---

<sup>1</sup> Учебный центр войск СпН МВО дислоцирован в Шацке.

лица, короткие черные волосы. Он делает шаг к магазину, поправляет легкое узорчатое кашне. Телохранитель идет по правую руку. Внезапно останавливается, словно споткнувшись. Ноги резко сгибаются в коленях. Он падает, даже не пытаясь опереться рукой, на бок.

Кавказец по инерции делает еще один шаг. Оборачивается на своего телохранителя. Секунду-другую смотрит на него. Оглядывается. Замирает. В кадр попадает человек высокого роста. Камера снимает его со спины. Он безоружен. Шаг небystрый. Но целенаправленный. Он останавливается напротив кавказца. В полшаге от него, почти вплотную. По всей видимости, что-то говорит кавказцу. На фоне его внушительной фигуры незнакомец выглядит сухощавым, даже худым. Быстрым движением он вынимает из-под куртки нож, резко взмахивает им и наносит удар сверху вниз в шею. Свободной рукой отталкивает кавказца и, не оборачиваясь, уходит. Камера успевает запечатлеть, как убийца оборачивает нож какой-то светлой тряпкой и кладет его в карман.

Сцена, снятая камерой слежения, в корне отличалась от привычных картин в боевиках. Все происходило быстро и, несмотря на простоту, казалось намного профессиональнее игры любого выдающегося актера. Однако просмотр таких видеозаписей, фиксирующих настоящее убийство, всегда рождает протестующий жировик в горле, избавиться от которого – дело трудное, почти невозможное. Действительно, протест против убийства, в очередной раз отметил про себя Михаил Артемов. Даже, как ни покажется странным, животный протест. В кино все понятно: там есть положительный герой и отрицательный, убийство того или другого рождает соответствующие чувства. В реальности же все происходит в одной плоскости: неважно, у кого отняли жизнь, важно другое – то, что ее отняли. Просто трупы – к примеру, убитых чеченских боевиков – вызывают больше положительных эмоций, замешенных на справедливости, неотвратимости возмездия, и ни капли жалости.

– Что скажешь, Виктор? – спросил Артемов инструктора спецназа, вглядываясь в его резкие черты, темные глаза, плотно сжатые губы.

– Грамотно, – одним словом ответил Соколик, одобрительно покивав коротко стриженной головой. – Хотите, чтобы я прокомментирую?

Артемов кивнул и молчаливо дополнил, выразительно приподняв бровь: «Для этого тебя и пригласили».

– Можно посмотреть еще раз, – предложил полковник.

– Нет, я все увидел. Дайте пульт, – попросил инструктор. Он нажал на клавишу перемотки. Когда цифры на экране обнулились, капитан включил воспроизведение. – Действия телохранителя я не комментирую. Во-первых, при такой организации покушения ему отводилась роль статиста. Его ведь убрал снайпер, правильно?

– Да, – подтвердил Артемов.

– Скорее всего боевиков было как минимум трое, – продолжал инструктор. – Один убрал телохранителя, другой – главное лицо этой тройки – разобрался с его боссом: он что-то сказал ему, у него был личный интерес, и наверняка важный. Третий, вероятно, поджидал в машине. Как и вся акция, отход был таким же четким. Да, это работа снайпера. – Соколик нажал на паузу. – Пуля попала в грудь телохранителю, точно в сердце. Видите? – инструктор придвинулся ближе к телевизору и указал пальцем место, куда попала пуля. Едва различимое пятно было еще смазано от нечеткой картинке стоп-кадра, однако Артемов хорошо разглядел его. – Хороший выстрел, – похвалил спецназовец. – Профессиональный. Ни брызг крови, ни шматков серого вещества, ни осколков черепной коробки. Очень аккуратно.

– Без спецэффектов, – вставил Артемов.

– Точно, – инструктор кивком головы одобрил удачное сравнение полковника. – Стрелок знает свое дело, и это впечатляет. Дилетант снес бы полголовы. Но выстрелов было два, заметили? – инструктор снова включил воспроизведение. – Вот босс оборачивается, смотрит

на охранника и... – Соколик поставил магнитофон на паузу. – Бугорок под левой рукой телохранителя видите?

Артемов надел очки и придвинулся к телевизору вплотную.

– Вроде бы вижу.

– Это след от пули, – пояснил инструктор, – материя вздыбилась. Вам ни разу не приходилось стрелять в стекло?

– В быту я человек спокойный, – философски пояснил полковник, снимая очки и принимая прежнее положение на мягком стуле. – А что?

– То, что часть осколков летит навстречу стрелку. А если стекло бронированное – то все осколки. Как шрапнель. Замучаешься пригибаться. Это я к тому, что материю выперло под воздействием попадания пули.

– Ты сразу отметил два выстрела? – удивился Артемов.

– Конечно, – невозмутимо подтвердил инструктор. – Второй выстрел только доказывает класс стрелка. Смотрим дальше. Появляется главное действующее лицо, и тут начинается самое интересное. Он безоружен – на первый взгляд. Тем не менее нож крепится в горизонтальном положении под курткой. В ножнах, поскольку лезвие очень острое. Ножны простые. Холодное оружие в них расположено рукояткой по ходу выхватывания, выхвата, как говорим мы.

«Специалисты, – тут же мысленно вставил Артемов. – Ну-ну...»

– Это оптимальный вариант, – продолжал Соколик. – Смотрите, что он делает... Я замедлю движение. – Темп просмотра стал в несколько раз медленнее. – Этот удар называется «колющий вперед». Он может быть нанесен в двух исполнениях – одноименном и разноименном. Одноименный сильнее, разноименный быстрее. – Вливаясь, что ли, в действие, которое произвело на инструктора спецназа определенное впечатление и даже захватило его, капитан сыпал терминами в темпе скороговорки. – В первом варианте боец делает шаг вперед. Во втором достаточно небольшого, но мощного посылы бедер и плеч вперед. Что боец и демонстрирует. Смотрите: нож он держит обратным хватом, взмах на уровне головы.

– Это важно? – спросил полковник. И отметил, что капитан не дергается, делая пояснения, не дополняет их жестами. Сам Артемов, наверное, не удержался бы и рассекал воздух воображаемым оружием.

– Конечно, важно, – ответил на вопрос Соколик. – Если замахнуться выше, то будет нарушено равновесие. Он знает, что делает. Все движения отточены до автоматизма. Общий темп не прерывается, замечаете? Вот боец наносит удар сверху вниз и вперед. Острие ножа на одной линии с направлением удара. Это наглядное пособие – честно, – продолжал восторгаться капитан-инструктор. – Нож входит в горло, а боец мгновенно вынимает его по той же траектории.

– Что, и это важно? – непроизвольно сглотнул Артемов.

– Исключительно важно. При реальном поражении цели, – пояснил капитан Соколик. – Если изменить направление ножа в ране, нож может в ней застрять. Вытащить его будет очень трудно. Агонизирующий же противник может нанести ответный удар.

– Резонно.

– Конечно. Все, он сделал свое дело, – заканчивал комментировать Соколик. – Оттолкнул смертельно раненного противника, чтобы он не мешал движению. Идет ровно, не дергается, не оборачивается. Ни капли суеты. Настоящий профи. Завернул нож в тряпку. Все.

«Все», – машинально повторил полковник, только сейчас сбрасывая напряжение. Со стороны казалось, он обмяк, прислонившись к спинке стула.

– Что еще можете добавить? – спросил он у консультанта.

– Парень владеет этим ударом в совершенстве, – ответил капитан-инструктор. – Скорее и всем комплексом ножевого боя. Могу предположить, что он прошел подготовку в армейском спецназе. В подразделениях милиции, ГУИН, ФСБ аналогичные удары почти не практикуются.

– Почему?

– У них другая специфика. Тот же ОМОН предназначен для работы в городе: разгон демонстраций, несанкционированных митингов и прочего. Попробуйте разобраться, в чем состоит специальное назначение, к примеру, «Витязя» или «Руси». Учебную роту спецназа внутренних войск формировали перед Московской Олимпиадой как подразделение антитеррора. Позже она выросла до батальона. И уже на его основе был создан ОСН «Витязь» – теперь он стал полком. Теперь задачи антитеррора выполняет «Альфа» и СОБРы, спецназ же ВВ самостоятельно их не решал, в спецоперациях участвовал на вторых ролях. А в системе исполнения наказаний уже есть свои подразделения, решающие задачи по подавлению беспорядков в колониях и физической защите. «Сатурн» – отличная команда. Никаких девизов типа: «Круче нас только мы!» и «После нас хоть потоп!». Работает почти без потерь.

В убедительности, с которой говорил капитан Соколик, Михаил Артемов не заметил ни высокомерия, ни скрытой насмешки над коллегами из аналоговых подразделений. Держал ли он марку спецназа ГРУ? Вряд ли – это перед полковником-то Главного разведывательного управления, который в подобных «общих» вопросах разбирался не хуже. Просто Соколик говорил о разных назначениях, задачах спецназов. Называя звучные имена собственные – «Альфа», «Витязь», «Русь», «Сатурн», – он подчеркивал тот факт, что лучший (армейский) спецназ себя не афиширует. Сам Михаил Артемов на сей счет имел другое мнение. Вот именно сейчас он припомнил «исключение» с отдельным разведывательным батальоном ГРУ, носившим красивое название «Ариадна». И подумал, что в противовес той же «Альфе» Главное разведывательное управление могло «выставить» свое «А». Причем в «трех экземплярах»: «АриАдна». И звучно, и в тему (Ариадна всегда выведет из любой аховой ситуации), и даже симметрично в написании, а значит, в прочтении.

Неплохая идея, похвалил себя полковник Артемов. Впору выносить идею на обсуждение. Может, подумал он, пора отступить от сложившихся традиций и дать наконец-то армейскому спецназу общее название: «Армейский спецназ «Ариадна»? Вот и еще одна начальная буква прибавилась. И в целом звучит рокошуще, раскатисто, как «равняйся, смирно, равнение на середину...». И есть на кого равняться.

– Мне довелось понаблюдать за работой наших – из ГРУ – парней, которые по просьбе руководства МВД проводили в жизнь программу подготовки ОМОНа и сводных отрядов милиции, – продолжал инструктор. – Методическая помощь, в общем. Вначале посмотрели, что могут милицейские спецназовцы. В «зеленке» установили несколько грудных мишеней – по фронту и в глубину и на разной высоте. Группа из пяти человек была вооружена «ПМК», «РПК», ручными гранатометами. Дистанция до целей – примерно пятьдесят метров. На огневом рубеже группа выстроилась в походный порядок и начала движение. По команде «обстрел слева или справа» омовцы занимали оборону и открывали огонь. Деревья – в щепки! А попаданий в мишени – ни одного. Это армейский спецназ знает, что, стреляя по закрытым целям, нужно целиться ниже, поскольку под огнем нормальные люди залегают. Что стрельбу следует вести короткими очередями и переносом точки прицеливания по фронту, чтобы площади рассеивания пуль пересекались<sup>2</sup>. Они даже простых вещей не знают, а вы говорите про такую специфику, как ножевой бой.

– Вернемся к теме. – Артемову казалось, что остановить распалившегося спецназовца невозможно. Однако тот резко свернул на старые рельсы. Причем так круто, что поначалу полковник не сообразил, о чем говорит капитан. В данный момент Михаил Васильевич видел перед собой садиста.

---

<sup>2</sup> Задачу «по просьбе руководства МВД» выполняли три человека – бывшие военнослужащие 17-й бригады ВМФ А. Буднев, Сергей С. (позывной «Бэтмен») и Константин К – в («Чарли») – специалист в области снайпинга. <MI>А. Буднев, «Путь «Сатурна».

– Рубяще-режущие движения ножа представляют бойцу большой спектр разнообразных действий. Начиная от активной защиты с перерезанием сухожилий и артерий на руках и ногах противника и заканчивая мощными контратакующими ударами в область шеи и лица. Что касается вашего парня... Это не первая его жертва. Думаю, он наколол минимум десяток человек.

– Наколол?

– Ну да, – как ни в чем не бывало откликнулся Соколик. – Удар, который он продемонстрировал, в некоторых подразделениях называют «спецназовским шампуром». Возможно, в Чечне практиковался. Этот парень русский, спецназовец.

– Угадал по походке? – съязвил Артемов.

Соколик не ответил.

– Хотите выйти на заказчика? – спросил он, кивнув на телевизор. – У меня есть предположение. Этот парень – не исполнитель. Он не тупая машина. Помните, я сказал, что у него был личный интерес?

«Помню», – кивнул Артемов.

– Если бы не этот факт, он бы упростил свою работу: все сделал бы снайпер. Этот парень – и заказчик, и исполнитель. Он что-то сказал своей жертве, прежде чем наколол ее. Для него это было очень важно.

Выслушав инструктора спецназа, Артемов с трудом избавился от желания предложить ему свое место в оперативном управлении ГРУ. Он действительно увидел все – не все, что нужно, а все. И сделал соответствующие выводы. Он хороший аналитик, еще раз оценил полковник.

– Ну что ж, Виктор, спасибо, – поблагодарил он Соколика. – Ты очень помог.

Пожимая полковнику руку, инструктор без малейшего намека на иронию сказал:

– Вы не найдете его. Он настоящий профи. Прошел хорошую диверсионную школу.

– Я найду его, – не согласился с Соколиком Артемов.

– Желаю удачи. – Инструктор пожал старшему офицеру руку и вышел из кабинета. Но через несколько секунд вернулся, движимый каким-то порывом, который для Артемова так и остался необъясненным. Может, в Соколике разыгралась самоуверенность – попутно и «за того парня». – Попробую сузить круг ваших поисков, Михаил Васильевич. Вы заблудитесь в огромном кругу армейского спецназа. Думаю, ваш парень проходил службу либо в подразделении боевых пловцов, либо в морской пехоте. Все, что я сказал ранее о непрерывности общего темпа, нахождении острия ножа на одной линии с направлением удара и прочего, по большому счету относится к подводному ножевому бою. Его главный принцип – измотать противника и потом убить. Если, конечно, позволяет время и – что немаловажно и более актуально – запас дыхательной смеси в аппарате. Именно под водой, где все движения замедленны, неукоснительно соблюдаются все эти правила. Попробуйте вернуть нож по другой траектории, ведя подводный бой... Сделать это будет очень и очень трудно. Возможно, я ошибаюсь и ваш парень не имеет к морскому спецназу никакого отношения.

### 3

*Москва, Главное разведывательное управление,  
этот же день*

Помощник полковника Артемова Светлана Николаевна с «чекистской» фамилией Комиссарова отпросилась на прием к стоматологу. Михаил Васильевич машинально отметил время: четверть двенадцатого. Талончик у нее был выписан на 10.40, скоро должна прийти.

Отсутствие своего «референта» на рабочем месте всегда вызывало у полковника необъяснимое чувство не одиночества, но какой-то пустоты. Не хватало привычного фона из смежной комнаты-приемной: характерного гула электрического «Роботрона», шелеста бумаг, которые Светлана Николаевна называла «макулатурой», ее слегка тяжеловатых шагов. Наконец ее голоса: «Шеф, снимите трубку», «Звали, шеф?» С другой стороны, частенько приходило желание избавиться от ее шумной возни – но лишь на короткое фиксированное время. Собственно, состояние полковника Артемова называлось просто: ожидание.

На днях Михаил Васильевич получил задание от первого зама начальника военной разведки в военных же тонах: подавить инициативу милиции повесить очередное дело на спецназовца Николая Ильина. «Там, – добавил генерал-полковник Тимофеев, – мимо рецепта ничего не просыпают. Больше того: наваливают что-то новое». Собственно, в угоду лояльной политике государства парня решили сгноить. Артемов, по его же определению, «торчавший на аналогах», без труда разобрался с тактическим приемом милиции: раскрутить морского пехотинца Николая Ильина на аналогичном преступлении. Совершал ли он его, не так уж и важно. Вряд ли Ильин возьмет вину на себя. Даже если доказательств не хватит, милиция поймет на этом инициативу, покажет большую работу ума. В общем, не дремлет: «Разве же тут до сна?»

«Исполнитель и заказчик в одном лице», как выразился капитан Соколик, пока что не обрел имени. А вот имя его «наколотой» жертвы было известно: Сулейман Султанов, чеченец по национальности, владелец магазина, возле которого он распроштался со своим полукриминальным прошлым. Помимо легального бизнеса, Сулейман крыл несколько фирм среднего бизнеса – в частности, небольшое предприятие «Берег» по изготовлению жалюзи и оконных систем по немецкой технологии и «Снежинку» – ремонт бытовых и промышленных холодильников, кондиционеров, сплит-систем и прочего «освежающего».

Разумеется, Артемов не спросил начальника, откуда у него видеокассета. В общем, это работа другого подразделения ГРУ, которое выполняет задачи по внедрению агентов военной разведки, в том числе в силовые ведомства МВД и службы безопасности. Также полковник получил в свое распоряжение большую часть копий следственных материалов по делу спецназовца Ильина, которые позже были переданы в суд. Артемов нашел там точное описание удара ножом, воспроизведенное во время следственного эксперимента (где и в какой позе находилась жертва, сам нападавший, какие действия были сделаны последним и так далее) и подкрепленное судебными экспертами – под каким углом и на какую глубину вошло лезвие, какую рану оставило, с какой силой был нанесен удар. Короче, «силомеры» – и эксперты, и сами менты. Это сравнение понравилось Артемову. «Силомер» – это покруче «мусора», того же мента и арлазоровского «менталитета».

Методы «силомеров» оказались Артемову изуверскими. Парня осудили, он как бы смирился, помянув судьбу, поставил внутренний таймер на обратный отсчет, точно зная, сколько времени ему предстоит провести в местах не столь отдаленных. И вот когда он окажется в тех краях, кто-то сунет ржавый ключ в его и так саднящую грудь, чтобы сделать попытку повернуть его на несколько оборотов.

Николай Ильин прослужил в 77-й бригаде морской пехоты два года без двух месяцев. Из них более полугодом находился в Чечне, выполняя задачи по выявлению и уничтожению раз-

розненных бандитских группировок. В расположении бригады произошла ссора между ним и его сослуживцем – Юсупом Валидовым, уроженцем Казахстана (отец чеченец, мать казашка). Чтобы получить российское гражданство, Валидов пошел служить в Российскую армию. На момент происшествия находился в бригаде четыре месяца. Из материалов следствия вытекало следующее: ссора произошла на почве национальных отношений. В общих словах, которые не могли принадлежать Ильину по нескольким причинам, он выразил недовольство тем, что «в ближайшее десятилетие армия превратится в интернациональный сброд, состоящий из чуждого расового элемента, который при поступлении приказа с *удовольствием* будет стрелять в русский народ».

Девять часов вечера, свободное время – мысленно воспроизводил события полковник Артемов. Кто-то пишет письма домой, кто-то подшивает подворотнички, кто-то чистит личное оружие. А эти двое решили объясниться. Объяснение произошло буквально на ножах. Правда, у Валидова (он стоял дневальным) имелся штык-нож от самозарядного карабина Симонова – «СКС-45». Собственно, на сегодняшний день – парадное оружие, как в ротах почетного караула (на посту «номер 1» у Вечного огня), так и в «обычных» войсковых частях – в основном у знамени части. Николай Ильин был вооружен куда современнее: ножом «оборотень-2». Артемов был знаком с этим холодным оружием. «Оборотень» оправдывал свое название: имел две складные половины рукояти, которые, раскрываясь вперед, обнажали скрытую половину боевого клинка<sup>3</sup>.

Короче, по сравнению с «оборотнем» штык-нож был плохо заточенным напильником.

Полковник даже представил себе дневального, «ковыряющегося» с длинным и неудобным холодным оружием. Тогда как его более опытный противник позволил себе продемонстрировать ряд финтов, посредством которых открывается рабочая половина «оборотня». Нечто подобное можно увидеть в боевиках, где «крутые парни» кистевым движением приводят в рабочее положение похожее орудие.

Не успел Артемов представить себе картину происшествия, как его потревожили телефонным звонком. Полковнику сообщили, что по служебной почте на его имя поступила бандероль из Ростова-на-Дону. В отсутствие секретарши Артемову пришлось лично забирать посылку, содержание которой он знал наверняка. Через четверть часа он сидел перед «кухонным» телевизором, стоящим на сейфе, и, повернувшись в крутящемся кресле, смотрел фонограмму видеозаписи дополнительного осмотра места происшествия с участием обвиняемого Ильина Николая Сергеевича.

\* \* \*

(Фонограмма приводится в сокращении.)

Следователь: Я, следователь военной прокуратуры СКВО Плотников Сергей Михайлович, в соответствии со ст. ... УК РФ, сегодня, ... 2003 года с участием Ильина Николая Сергеевича, обвиняемого в умышленном убийстве, провожу дополнительный осмотр места происшествия в соответствии с показаниями обвиняемого Ильина, данными им на допросе от ... 2003 года.

Следственное действие начато в 10 часов 30 минут в здании военной прокуратуры.

В ходе выполнения настоящего следственного действия принимают участие: прокурор-криминалист военной прокуратуры СКВО Федянин Александр Николаевич; специалисты:

---

<sup>3</sup> Нож «оборотень-2» снабжен крюком, пилками по дереву и металлу, шилом и отверткой-крестом, а совместно с половинками рукояти образует инструмент для гибки и резки проволоки. Насадив пустотелую рукоять на древко, можно получить таким образом копьё. Этот нож укомплектован дополнительным метательным ножом «оса», который вкладывается в отдельный кармашек ножен. <MI>А. Тарас, Ф. Заруцкий, «Подготовка разведчика».

техник-криминалист военной прокуратуры СКВО Левнер Игорь Дмитриевич; судебно-медицинский эксперт Тараканов Станислав Леонидович; а также приглашенные в качестве понятых граждане...

*Следователь просит понятых поочередно назвать свои фамилии, имена, отчества, адреса места жительства. Получены два ответа. Также следователь разъясняет понятым их права и обязанности, предусмотренные соответствующей статьей УК РФ.*

Всех участников данного следственного действия уведомляю, что оно будет фиксироваться не только письменным протоколом, а также видеозаписью на видеомэгнитофон марки JVC на пленку стандарта VHS, которую произведет специалист.

Одновременно будет производиться фотографирование.

*Следователь называет марку фотоаппарата. Также он разъясняет специалистам их права и обязанности и предупреждает об ответственности за отказ и уклонение от обязанностей специалиста.*

Обвиняемый, знаете ли вы понятых, специалистов? Если да, то какие между вами отношения? Имеете ли вы отводы к кому-либо из участников следственного действия?

Ильин: Нет.

Следователь: Обвиняемый Ильин, разъясняю вам, что в соответствии со статьей 51 Конституции Российской Федерации вы вправе не свидетельствовать против себя, своих близких родственников. Вам понятно данное положение Конституции?

Ильин: Да.

Следователь: Обвиняемый Ильин, согласны ли вы добровольно показать место совершения вами преступления, рассказать о ваших действиях в этот день, воспроизвести ваши действия?

Ильин: Да.

Следователь: При производстве следственного действия на месте будет участвовать капитан Ткаченко, который будет имитировать по вашему указанию действия потерпевшего, которому вы нанесли удар ножом. Удары вы будете воспроизводить макетом ножа, изготовленного из плотного картона. Осмотрите его и поясните, похож ли он на нож, который был у вас в момент совершения преступления.

Ильин: Не совсем.

Следователь: Уточните, в чем его отличие по форме, размеру, может быть.

Ильин: У меня был специальный нож «оборотень-2» со складными половинами рукояти. Раскрываясь вперед, они обнажают скрытую половину боевого клинка.

Следователь: Длина этого клинка совпадает с клинком «оборотня»?

Ильин: Да.

Следователь: Обвиняемый Ильин, поясните, когда, где и при каких обстоятельствах вы совершили преступление, расскажите о конкретных событиях его совершения.

*Следует свободный рассказ обвиняемого, в ходе которого следователь задал несколько уточняющих вопросов. Следователь обращается к понятым и специалистам:*

Сейчас мы отправимся вместе с обвиняемым Ильиным к месту совершения преступления, которое он намерен нам указать. При производстве следственного действия прошу соблюдать следующий порядок: направление и путь указывает только обвиняемый Ильин, он же в пути следования и на месте двигается впереди. Рядом с ним понятые, следователь и прокурор-криминалист, сзади – конвоиры.

*Следователь просит конвоиров назвать свои фамилии, имена, отчества, занимаемую должность. Спрашивает, известны ли им правила конвойной службы и понятны ли обязанности.*

Участники следственного действия вправе задавать вопросы обвиняемому, но только после его ответа на мои вопросы и не иначе, как с моего разрешения. Специалистам в ходе

следственного действия разрешается занимать места, удобные им для фиксации следственного действия. Обвиняемый Ильин, скажите, куда из этого помещения нам нужно направиться, в какое место прибыть, в связи с чем это место вам знакомо?

Ильин: В расположение подразделения (называет номер части) 77-й бригады морской пехоты. Там я убил Юсупа Валидова.

*Следователь поясняет, что видеозапись на время нахождения в пути будет приостановлена. Отмечает время остановки записи.*

Следователь: Видеозапись возобновляется в 11 часов 17 минут.

Обвиняемый Ильин, поясните, куда мы прибыли, куда нам необходимо следовать дальше, когда и что здесь происходило.

*Следуют пояснения Ильина.*

Следователь: Идите первым, пожалуйста.

Ильин: Вот здесь, у тумбочки, стоял дневальный Валидов. Я был помощником дежурного. У Валидова ремень висел на яйцах, я сказал ему, чтобы он подтянул ремень.

Следователь: То есть ремень у него был ослаблен.

Ильин: Да.

*Капитан Ткаченко, используемый для имитации обстановки, по просьбе следователя занимает место, где находился потерпевший Валидов, и принимает его позу. Следователь предупреждает его: действовать только после пояснений обвиняемого Ильина в соответствии с его указаниями о перемещениях потерпевшего.*

Ильин: Валидов сказал, чтобы я не до...лся до него.

Следователь: Именно в такой форме?

Ильин: Да. Сказал, что я смелый днем, а ночью, когда я буду спать, он меня зарежет. Я сказал, что у него очко маловато для этого. Он назвал меня педерастом. Я сказал, что готов стать им для его черной жопы. Он схватился за штык-нож, который у него висел на ремне.

*Капитан Ткаченко имитирует движение потерпевшего Валидова.*

Ильин: У меня в руке был нож «оборотень».

Следователь: Вы подошли к Валидову с ножом и сделали ему замечание, будучи вооруженным?

Ильин: Да. Я поигрывал ножом по привычке.

Следователь: Поясните, что значит «поигрывал».

Ильин: Я уже говорил: для того чтобы обнажить рабочую половину клинка, нужно раскрыть половинки рукояти – вперед. Я часто упражнялся с «оборотнем».

Следователь: Сколько времени вам потребовалось, чтобы раскрыть клинок?

Ильин: Меньше секунды. Я сделал шаг вперед (делает шаг вперед), взяв нож обратным хватом (показывает), и, замахнувшись, ударил Валидова в шею.

Следователь: Вы показываете именно то место, куда произвели удар?

Ильин: Да.

Судебно-медицинский эксперт Тараканов (приблизившись): Область передней поверхности шеи и надключичной ямки.

Следователь: Дальше.

Ильин: Потом я вернул нож и толкнул Валидова на тумбочку.

Следователь: «Вернул» означает – вытащил?

Ильин: Да.

Следователь: Почему вы произвели этот удар, а не другой? Осознавали ли вы, что наносите смертельное ранение?

Ильин: Я пустил нож в ход автоматически, не задумываясь, отреагировал на угрозу.

Следователь: То есть вы настаиваете на том, что защищались таким образом?

Ильин: Да. Меня так учили.

Следователь: Можете назвать место, конкретное лицо, которое обучало вас?

Ильин: В учебном подразделении. Инструктор по ножевому бою мичман Стариков.

Следователь: Кроме известного случая, на практике вам приходилось применять холодное оружие, использовать навыки, приобретенные в учебном подразделении?

Ильин: Я полгода находился в Чечне. Добавить мне нечего.

Следователь: Вы не пытались оказать потерпевшему Валидову помощь? Как скоро вы поняли, что он мертв?

Ильин: Я к полумерам не привык. Я видел, что рана смертельная и Валидов долго не протянет. Я сразу пошел в умывальник и вымыл нож с мылом. Я не хотел скрыть следы, просто отмывал кровь.

*Следователь спрашивает, имеются ли у участников следственного действия вопросы, нет ли дополнений или замечаний у обвиняемого. Далее доносит до сведения участников следственного действия, что составление письменного протокола и просмотр видеозаписи будет произведен в помещении прокуратуры. Видеозапись приостанавливается в 11 часов 40 минут. Возобновляется в 12 часов 55 минут.*

Следователь: Обвиняемый Ильин, правильно ли отражен ход и содержание следственного действия? Соответствует ли количество и время указанных перерывов в видеозаписи фактически имевшим место?

Ильин: Да.

Следователь: Видеозапись прерывается для составления письменного протокола.

Возобновляется...

Следственное действие окончено в 14 часов 15 минут.

\* \* \*

Эту видеозапись, а точнее, копию Михаил Артемов получил от военного прокурора Плотникова, с которым находился в приятельских отношениях. Просматривая запись, полковник не мог сдерживать улыбки: он впервые видел, как официально лицедействует военный прокурор. Вообще все у него получилось здорово. Похоже на сцену из кинофильма, причем американского, где такие вещи в ходу. Даже, казалось бы, затяжные выступления адвокатов и прокуроров на судебных слушаниях не снижали, а, наоборот, добавляли своеобразную динамику сюжету.

Артемов пожалел, что видеокамера снимала Ильина с боку, а со спины он ни разу не попал в кадр. К тому же его движения были медленными, демонстрационными, прерываемые уточняющими вопросами прокурора Плотникова и судебного медика. Не хватало активности, которая с избытком отмечалась в действиях военного прокурора.

По этой записи Артемов не мог сказать со «стопудовой» уверенностью, что именно Ильин «отработал» на 2-й Бородинской. Прокрутил «самое интересное» место в убыстренном темпе. Ничего нового. Хотя отметил: нож Ильин держит обратным хватом, взмах на уровне головы – чтобы не потерять равновесия, как пояснил инструктор Соколик. Впору снова вызывать инструктора и демонстрировать вторую запись.

На руках у Артемова был и протокол следственных действий, составленный перед последней остановкой записи. Надо бы его перечитать.

Артемов вынул нагревшуюся кассету и выключил магнитофон. Хмыкнул, когда подсознательно отметил стандарт пленки и марку «видика». И пришел к выводу, что скоро свихнется.

Вернулся к письменному протоколу:

*«...Валидов сказал, что зарежет меня, когда я буду спать... Я сделал шаг вперед, взяв нож обратным хватом, и, замахнувшись, ударил Валидова в шею. Вернул нож и толкнул Валидова на тумбочку...*

*С моих слов записано верно».*

Записано верно.

Сказал. Взял нож обратным хватом. Замахнулся. Ударил. Вернул. Толкнул.

Наколел... Сулеймана Султанова.

Практически все совпадает с происшествием годичной давности.

Аналог...

Полковник Артемов вздохнул. Придется согласиться с «силомерами».

Он точно установил, что Николай Ильин в данное время находится в СИЗО в камере для осужденных (его приговорили к восьми годам лишения свободы с отбыванием наказания в колонии строгого режима) и ожидает этапа на зону. В то время как «силомеры» втихую потирают ручки и подпрыгивают на «колючих аналогах».

Артемову предстояла нелегкая работа. Фактически он должен доказать невиновность спецназовца Ильина, разделавшегося со своим сослуживцем, в убийстве предпринимателя Сулеймана Султанова. Его принадлежность к армейскому спецназу установлена на восемьдесят процентов. Офицер военной разведки невесело усмехнулся: оставшиеся двадцать процентов приходились именно на спецназ ВМФ. И почудилось в этом некое распределение ролей: на одного свалилось все, на другого (настоящего преступника) – ничего. Тем не менее это соответствовало задаче, поставленной перед Артемовым. Ильин, с двумя преступлениями за плечами – человек с именем, прогремевшим вместе с аббревиатурой «ГРУ». Так что лучше два «ви́па», чем один «совсем ви́п».

Следующий этап в оперативной работе полковника Артемова – «потолковать по душам» с выявленным спецназовцем. Под гарантии руководства ГРУ «склонить» его к правдивым показаниям. Выслушать его, проверить показания, дать совет не высовываться. А что еще? На армейский спецназ последнее время вылили столько грязи!.. Кто-то «наверху» занимается распределением: никто не должен ходить чистым. *Чистые и умные всегда раздражают власть.*

Теория вероятности. Только она противилась и пыталась увести Ильина от ответственности за убийство чеченца Султанова. А вместе с ней сомневался и Михаил Артемов. Правда, на планирование и осуществление такой операции времени почти не оставалось. Хотя у Николая было алиби: во время убийства Султанова морской пехотинец Ильин находился далеко от Москвы: в военно-морском госпитале в Астрахани.

«Да, – вздохнул Артемов, – был бы Ильин чеченцем, он бы после убийства сдал нож в ближайшее отделение милиции или ФСБ и освободился таким образом от уголовной ответственности».

\* \* \*

Вернувшаяся из зубоврачебного кабинета секретарша буквально принесла с собой какую-то стоматологическую заразу. Сквозь зубы она процедила, что ей нельзя ни есть, ни пить в течение двух часов.

– За минусом часа, на который ты опоздала? – не преминул подковырнуть Артемов.

– За плюсом, – невнятно ответила Светлана Николаевна. Причем прозвучало «за флюсом».

И более внятно добавила:

– Вам сообщение, шеф. Николая Ильина сегодня ночью отправили этапом в колонию.

Вот тут зубы Артемова и заныли. Впору докладывать начальству, что вина морпеха Ильина доказана в обоих случаях на все двести процентов. Лишь бы не «догонять» этап. И

передоверить дело никому нельзя: задание он получил лично от второго лица «Аквариума», а тот, не говоря уже о самом «Спруте», на дух не переносил этого посреднического слова.

Ровно через час Артемов получил справку: спецвагон с этапированными задержится в Новограде на пару часов, именно в это время полковнику можно будет пообщаться с Ильиным. Начальник этапа предупрежден и сделает все, чтобы беседа полковника ГРУ и осужденного состоялась. Вагон был оборудован не только камерами и служебными «купе» для конвоиров системы УИН, но и помещением типа камеры для допросов. Собственно, такая же клетушка, подумал сникший полковник, как в кинокомедии. Пивная, тошнилровка, плохой человек, хороший человек, убежать, срываться и прочее в том же духе. Только смеху в этом было мало. Конечно, проще догнать вагон с осужденными, договорившись с минимальным количеством людей, нежели добиваться свидания в самой зоне, где число посвященных в ильинскую «делюгу» резко увеличивалось.

К вечеру Светлана Николаевна всю хрустела печеньем. Вручила шефу такие же хрустящие авиабилеты на рейс самолета Москва – Новоград. На завтра. На шесть утра по Москве. Когда военный разведчик прилетит в Новоград, лежащий в другом часовом поясе, там будет всего на час больше. То есть семь часов. Хорошо, что есть время погрузить, невесело сострил полковник. Он привык к частым командировкам, однако отчего-то именно сейчас как бы воспротивился очередной поездке. То ли сыграло свою роль предчувствие, то ли еще что-то, но Михаил Васильевич ощутил в груди смутную тревогу. Чего до сей поры за собой не замечал.

Собрав всю необходимую для работы «макулатуру», проверив работоспособность диктофона, Артемов засобирался домой. Выходя из приемной, он придержал дверь и все же подмигнул Комиссаровой:

– Светлана Николаевна, среди твоих знакомых нет судебного пристава?

Секретарша, действительно обладающая обширными связями, невозмутимо покачала головой:

– Нет. – Она никогда не напрашивалась на пояснения – захочет, сам все объяснит. Не для того же спросил, чтобы оставить помощницу в плотном тумане догадок.

– А жаль, – протянул Артемов. – Неплохо было бы включить мою фамилию в аэропортовский «стоп-лист». Это как раз в компетенции судебного пристава. Ну на нет и суда нет. Пока. – Отшутившись таким образом, полковник сделал Светлане Николаевне ручкой и закрыл дверь.

## Глава 3

### Аллах акбар, россияне!

#### 4

*Новоград, 20 февраля, пятница, 05.30*

Рядовой Иван Кормухин – рыжеватый коренастый паренек – проходил службу в взводе. Блатная работенка. Радовался он уже на протяжении года. В роте Иван появлялся лишь на вечернюю поверку. И то не всегда. Ротный ставил в журнале, похожем на классный, напротив фамилии Ивана букву «р» (работает). Обычно в это время Кормухин с напарником смотрел телевизор в котельной солдатской бани. Военнослужащий и военный строитель – две разные вещи. Иван относился к последним, денег на руки получал в несколько раз больше, чем военнослужащие – те же командиры отделений и заместители командиров взводов, прошедшие учебку. Хватало и на сигареты, и даже порой на водку.

Телевизор в котельной – старый, марки «Рубин», но сигнал держит устойчиво, ни один «Панасоник» не сравнится. Антенна – на длинном шесте, который стоял крепко, как мачта на растяжках. С усилителем. Ловит шесть программ, включая «НТВ». Кормухин – родом из глухого поселка Саратовской губернии, где полторы программы за счастье, – запоем смотрел телевизор, словно в запас, и отказывался верить, что вскоре снова «подсядет» на две неполные программы в своем родном захолустье. Подумывал на досуге, что не помешает обзавестись спутниковой тарелкой. По идее тех денег, что он привезет домой, хватит на такую установку: саму тарелку и ресивер. И смотри сколько влезет ровно шестнадцать центральных программ. Причем бесплатно. Это за «энтэвэшную» нужно ежемесячно платить.

По «НТВ» ему больше всего нравилась программа Гордона. Заумная, конечно, передача, но она была единственной на всем эфирном пространстве, которую Иван смотрел открыв рот. Академики без запинки разбирали сверхсложные проблемы материи, спорили об устройстве черных дыр. Что удивительно, Гордон все понимал и даже вступал в спор. Однажды рассказал, как он, живя в Америке, столкнулся с тупостью «маугли» – так он называл американцев. У него на балконе стояла картонная коробка, и соседи подали на него в суд за то, что она на несколько сантиметров превышала размер, «забитый» в законе штата. А как-то раз он повесил сушить на балконе рыбу и забыл про нее, уехав куда-то. Рыба вроде бы протухла, запах доконал соседей, и они снова подали на него в суд. Гордон – грамотный мужик – на суде заявил, что в стране, где он родился и вырос, существует обычай – вешать на балконе рыбу и ждать, когда она протухнет. «Маугли» обычаи, может, и не уважают, но никогда не посягают на свободу отправления религиозных обрядов «малых народов». В общем, Гордон на суде свои права защитил.

Об этой старой истории Иван Кормухин вспомнил, когда в три часа ночи получил приказ «топить баню». Конечно, за вопрос «за каким хреном?» он мог получить так, что мало бы не показалось. Это распоряжение отдал командир спортивного взвода лейтенант Андрей Кабаев. Взвод не без оснований называли «чеченским», поскольку, кроме «нохчей», там никого не было. Все шестьдесят спортсменов – «кавказской национальности». Их можно было поделить на три части: борцов вольной и греко-римской борьбы и боксеров. Конечно, думал Иван, трудно себе представить чеченца, прыгающего с шестом или совершающего тройной прыжок. И все же двадцатичетырехлетний лейтенант Кабаев – сам хороший боксер, носивший кличку «Рокки», – дал пояснения «банщику»: мол, завтра какой-то чеченский праздник, расцвет нужно встречать чистым. В общем, в ночь с четверга на пятницу чеченцам нужно совер-

шить массовый обряд омовения. А завтра взвод в полном составе отправляется на соревнования.

Лучше бы они рыбу повесили сушить, бурчал под нос Иван, помянув Гордона. Он не мог ослушаться. Чеченцев боялись все, включая комбата. Последнему не позавидуешь. Четыре строительные роты (бульдозеристы, крановщики, водители и каменщики), а еще спортивный взвод, проходящий в батальоне как рота СКА<sup>4</sup>, были созданы по приказу начальника Генштаба. И таких рот везде хватало. Они базировались в подразделениях сухопутных и инженерных войск, военно-морского флота или, как здесь, в строительных частях. Короче говоря, там, где имелись спортивные залы и необходимые для тренировок условия. «Чисто чеченских» рот было две или три.

Спортивный зал в этой части был построен во «времена приснопамятные» – на деньги строительного батальона. Равно как и клуб. Хозяйство свое – свинарник, несколько гектаров земли под картошку. Все есть, только успевай поддерживать все в надлежащем порядке.

В шесть утра баня была готова. Иван проверил, хватает ли мыла (спортсменам выдавали по нормативам СА, но они всегда шли мыться «на халяву»), заодно сдолбил лед с двери, ведущей в помывочное отделение: влажность там всегда, а снаружи – мороз.

Ровно в половине седьмого утра баню оккупировали чеченцы.

\* \* \*

Уборщица клуба «Первомайский» сорокасемилетняя незамужняя Анастасия Петровна в Таисе Муслимовой души не чаяла. Хрупкая красивая девочка, а как танцует! Как двигается! И партнеры у нее интересные: гибкие, статные, с осиной талией. Прямо черкесы! У нее было среднетехническое образование, когда-то она работала по специальности топогеодезист-вычислитель в войсковой части № 3027. Вот уже пять лет той части не существует. Нашла работу в клубе. И не только работу: небольшая комната на техническом этаже стала для нее домом.

Школа национального танца «Ловзар» открылась восемь месяцев назад. Вначале приехал художественный руководитель Аслан Зулиханов, осмотрел все и сказал, что зрительские места нужно убрать. На их месте будет, говоря молодежным языком, «танцпол». Так и сделали. Поверх обшарпанных досок, между которыми навеки вклинилась шелуха от семечек, положили настил, очень похожий на паркетный.

Однажды в «Первомайский» приезжал Оренбургский народный хор. У каждого артиста был свой ящик с костюмами. Ящики – металлические, тяжелые – едва уместились в музыкальной комнате клуба. Вот и у танцоров «Ловзара» такие же, закрывающиеся на замок и похожие на сейфы.

Встав сегодня раньше обычного, Анастасия Петровна решила не тратить времени попусту. Из крана, врезанного в трубу водяного отопления, она набрала два ведра воды. Как всегда, уборку начала с кабинета начальника клуба. Потом отправилась в бывшую «музыкалку», которая теперь служила раздевалкой для молодых чеченских артистов. «Ловзар» знали не только в некоторых российских городах, но и в ближнем зарубежье: дважды посетили Беларусь, Казахстан, на очереди, сказал Аслан Зулиханов, были Чехия, Австрия.

Едва перешагнув порог раздевалки, уборщица поняла: что-то не так. Не так, как всегда. Глянув на стоящие в ряд ящики, поняла, что это: один из шкафов был открыт. Легкая металлическая дверца, распахнутая настежь, показывала ряд костюмов, висевших на плечиках; на внутренней стороне дверцы пристроилась пара полотенец.

Кто-то из артистов забыл вчера закрыть шкаф. Анастасия Петровна хотела захлопнуть дверцу, но шкаф стоял неровно, и дверца снова открылась. И только сейчас внимание убор-

---

<sup>4</sup> «Урезанные» подразделения чаще всего называются кадрированными.

щицы привлек костюм, который она ни разу не видела на танцорах. Точнее, не костюм, а его часть: похожий на марлю кусок полупрозрачной ткани, наспех (как показалось Анастасии Петровне) пришитый к куску черной материи. Несомненно, где-то она видела такую одежду. Долго вспоминать не пришлось: эта вещь походила на паранджу.

Странно, отметила уборщица, ощутив в груди смутную тревогу. Трудно себе представить танец в таком по-восточному строгом, консервативном (другого определения она не подбрала) облачении. Что может означать выступление в такой одежде? Не сказать, чтобы чеченские девушки-артистки (взять хотя бы Таису Муслимову) строго придерживались национальных традиций – одевались и стриглись модно, пользовались косметикой, не в открытую, но все же попивали пиво. И дело даже не в них. Вот сидит в зале «традиционная» мусульманка, которая только что вернулась с заседания суда, где отвоевала право фотографироваться на паспорт в платке, и видит как бы свою танцующую копию. В парандже. И длинном, до полу, черном траурном платье. И что, снова в суд бежать?

Что-то не так. Что-то здесь не соответствует традициям, нравственности, что ли...

Если это номер, то – смертельный:

*«Просьба – традиционных мусульман покинуть зал. Сейчас такое начнется...»*

Длинное – до полу – платье с закрытой шеей и длинными рукавами. Именно его сейчас разглядывала Анастасия Петровна. И вывела странную аналогию: это платье походило на монашеское.

Паранджа оказалась хиджабом – платком, в котором был вырезан прямоугольник. И вроде заплатки на нем. Нет, это не марля, а лоскут тюля. Как-то все наспех сделано, отметила уборщица. Края выреза не обметаны, сама латка – тоже, и пришита крупными, неаккуратными стежками.

Перекинув хиджаб через руку, словно боясь его отпустить, уборщица взяла с полки книгу, прочла название: «Предсмертный миг». Автор – Халид ибн Абдуррахман аш Шайи Султан ибн Фахд ар-Рашид. Язык сломаешь. Наугад открыла книгу:

*« – Ты явилась поводом того, что Аллах ниспослал этой общине такое облегчение. Затем Всевышний Аллах с высоты семи небес оправдал тебя, отведя клевету нечестивцев. И нет ни одной мечети, в которой поминают имя Аллаха, чтобы в ней днем и ночью не читались аяты о твоей невинности.*

*– Оставь меня, Ибн Аббас. Клянусь Аллахом, мне хотелось бы быть преданной забвению и навсегда забытой»<sup>5</sup>.*

Анастасия Петровна поймала себя на мысли, что прочла кусочек жуткой, вызывающей дрожь, странной пьесы.

Чьи же это вещи?

Анастасия Петровна только сейчас поняла: это шкаф Таисы Муслимовой, которую в шутку называла своей тезкой. И именно в тот момент, когда позади раздались быстрые легкие шаги.

Уборщица успела положить книгу на место и даже закрыть дверцу шкафа. Удивительно – она в этот раз не распахнулась снова. Но вот хиджаб так и остался перекинутым, как плащ, через руку.

Еще не обернувшись на звук приближающихся шагов, уборщица лихорадочно прикидывала, кто мог прийти в такую рань, у кого есть ключи от клуба. Есть у худрука Аслана Зулиханова, у нескольких артистов. Оказалось, они были и у Таисы Муслимовой, хрупкой красивой девочки, в которой добродушная Анастасия Петровна души не чаяла.

Таиса – румяная с мороза – сняла шарф и насмешливо спросила:

– Примерить хотите, тетя Настя?..

---

<sup>5</sup> Цитата взята из статьи Вадима Речкалова, «Известия», 4 февраля 2004 года.

## 5

Среднего роста, русоволосый, похожий на русского и даже разговаривающий без характерного акцента, Андрей Кабаев дольше остальных задержался в бане. Он стоял под душем и словно наслаждался упругими горячими струями. Они будто массируют его сильное, мускулистое тело. От холодного пола поднимался парок; он курился и над другими кабинками, которые несколько минут назад покинули товарищи Андрея. Упершись руками в прохладный кафель, чеченец то запрокидывал голову, то подставлял под водяной напор коротко стриженный затылок. Еще не перекрыв кранов, Андрей, оторвав руку от стены, взялся за массивную золотую цепочку и рванул ее с шеи. Больно не было, она порвалась в самом слабом месте – в замке. Подержав цепочку в крепко сжатых пальцах, он бросил ее под ноги, туда, куда уходила после омовения горячая вода. Она поблескивала на решетке, наполовину забитой волосами и мерзко-скользкой от мыла.

Андрей бросил перед собой полотенце, ступил на него, другим тщательно вытерся. Еще немного постоял и снова – теперь уже досуха, до покраснения кожи – растерся. Надел белье: абсолютно новое. Как говорят русские, «ни разу не надеванное». Сорвал с пары носков ярлычок, смял его и щелчком отправил в душевую кабинку. Надел форму, набросил на плечи бушлат и вышел на мороз.

Рассвет сегодня наступал необычайно широким фронтом. Бледно-багровая полоса равномерно протянулась с севера до юга. Словно это не солнце всходило, а пылал на горизонте грандиозный пожар. Теря багрянец и насыщая золотом верхушки деревьев, заря бросала свою серебристую тень до противоположного края горизонта. Не было в этой утренней игре всех цветов радуги, лишь ее самые драгоценные – кроваво-золотые и серебряные.

Из трубы котельной все еще валил дым, на него бросал тень шест антенны. Изумительное зрелище. Расплывчатый сизоватый дымный ствол, который прорезала темно-серая, словно зависшая в воздухе, более темная полоса. Необычно, отметил Кабаев, никогда раньше такого не видел.

Лейтенант подошел к котельной и открыл дверь. Шагнул за порог, наморщился: в помещении громко, словно для тугих на ухо, орал телевизор. Российский канал «Культура» передавал европейские новости.

Андрей усмехнулся. Он точно знал, какие новости начнут транслировать через несколько часов все каналы, включая и «Euronews», и «CNN». Знал он и еще немногие.

– Убавь громкость! – крикнул он Кормухину. Солдат даже не обернулся на стук двери и не обратил внимания на ледяную волну, пробежавшую по бетонному полу. Дикарь какой-то, подумал про Ивана чеченец. Смотрит запоем все подряд.

Кормухин подошел к телевизору и приглушил звук. Обернувшись, кивком головы спросил: «Что?»

– Ключи от котельной у тебя?

– Да.

– Давай их сюда. Быстро, баран! Мозги выбью.

Кормухин взял со стола навесной замок и вынул ключ.

– Вместе с замком давай, пидор!

«Сука, чтоб ты сдох!» – про себя матюгнулся Иван. Он удивлялся: как у него хватает терпения сносить издевательства этих ублюдков? Только дело было не в терпении – он боялся чеченцев. У них есть одно качество, против которого не попрешь: они всегда держатся кучей. Потому, наверное, что их мало. А русские на такое не способны потому, что их много. Очень много. Вот у Ивана полно земляков в батальоне, а что толку? Кто заступится за него, кто подхватит какой-никакой звучный клич? Да никто.

«Эх, – запоздало вздыхал Кормухин, – в спецназ бы попасть. По горам ползать – этакой сплоченной спецназовской кучей. Все бы стерпел – и жару, и холод, и лишения всякие. Лишь бы долг исполнить. Поймать на мушку подобного ублюдка и...»

Но правду говорят: человек – такая скотина, что все вынесет. Именно об этом подумал Кормухин, когда подошел к чеченцу и протянул ему тяжелый замок.

Андрей принял его и пару секунд подержал на раскрытой ладони. В голове помутилось, даже пришлось закрыть глаза и представить, как он с коротким замахом бьет им в висок «банщика». Удар сильный – по короткой дуге. Даже безоружной рукой «тезка» Рокки Марчиано отправлял на пол хорошо тренированных соперников. Иван падает на пол без единого вскрика. Он пытается встать, но получает удар ногой – и снова в висок. Кормухин не видит, что делает лейтенант, склонившись над ним. Он вдруг улавливает запах чистого – с мороза – тела. Такого чистого, от которого порой дух захватывает. Он должен его помнить с детства, когда, такие же раскрасневшиеся, из бани возвращались его мать и отец... Пряного духа своей крови, рванувшей из распаханного ножом горла, он почуять уже не может. Как не может видеть острое лезвие, которое лейтенант вытирает о рукав корчившейся перед ним жертвы. Он стоит над ним долго, пока солдат не перестает сучить ногами, потом тихо говорит: «Первая кровь... Отступать некуда».

Андрей открыл глаза, поймал тупой взгляд «банщика»...

Жаль...

Ему действительно была необходима первая кровь, первая жертва. Хотя бы для того, чтобы погасить ничтожные остатки нерешительности. Жалкие – но они все же присутствовали в нем. Для того, чтобы положить начало. Чтобы идти не через бурелом, но пусть по едва приметной дорожке, по примятым неподатливым стеблям. Неважно, кого он принесет в жертву. Ею мог стать любой из этого вонючего батальона.

Жаль...

С одной стороны, жаль, что придется возвращаться сюда.

– На, забери свой замок. Закрывай котельную и марш в роту! Оборзел, сука! Когда последний раз ночевал в роте? Бегом, бля!

Кабаев вышел из котельной, хлопнув дверью, и неторопливой походкой направился в роту, где его поджидали товарищи.

\* \* \*

– Примерить хотите, тетя Настя?

Уборщица облизнула пересохшие губы. По спине прошла зыбкая холодная волна. Женщина мелко-мелко заморгала, словно выгоняя соринку, попавшую в глаз. Она знала, каким тоном заговорит с Таисой. Страх заставит ее даже не говорить, а лебезить. Заискивающе смотреть в глаза чеченки. Что-то громадное и черное печным закопченным заслоном вставало перед заслезившимися глазами женщины, чтобы резво упасть, как занавес, и открыть темноту, мрак, пустоту, закручивающуюся в бесконечную спираль...

– Я?.. Что ты, Таисочка! Просто дверца не была закрыта. Вот твоя шалька и выпала.

– Это не шалька, тетя Настя. Это хиджаб. По-вашему – платок. Я вчера его надевала и сказала: «Пришел мой день, и завтра я пойду против неверных во имя Аллаха, во имя себя и вас, во имя мира». – Насмешливо-разнузданный голос шахидки ссохся до черствого, в нем явственно зазвучал приказ: – Положите хиджаб на место и отойдите от шкафа. Ну ты, сука, оглохла?

Красивая, белая с нежно-сиреневыми полосками, сумочка Таисы открылась. Девушка вынула легкий, изящный «вальтер» и направила его на женщину. Может, в отличие от командира отряда Андрея Кабаева чеченке совсем не нужна была ни первая кровь, ни первая жертва.

Скорее всего – нет. Но заставить молчать уборщицу могла только смерть. И шахидка, не задумываясь, нажала на спусковой крючок. Нажала трижды. Пули вспороли синий рабочий халат на груди Анастасии Петровны, и она, нелепо взмахивая руками и неотрывно глядя на убийцу, попятилась к дальней стене. С каждым шагом теряя равновесие. Пока не коснулась спиной крашеной стены. И там медленно сползла вниз. Когда ее руки коснулись пола, она уже была мертва.

Платье и хиджаб требовались лишь для пропагандистской видеосъемки, потому остались в шкафу. Осторожно и не без дрожи в руках Таиса Муслимова взяла с нижней обувной полки небольшой, но тяжелый сверток. Пока рано надевать пояс, он будет выделяться под припаленной дубленкой. И Таиса, которой в прошлом месяце исполнилось шестнадцать, станет похожа на беременную. Во-первых, ей этого не хотелось. Во-вторых, она и так выглядела на год моложе, что не совсем обычно для чеченской девушки. Еще будет время надеть пояс в платном туалете и просунуть пульт с проводками через дырку в подкладке кармана. После чего Таиса получит тяжелую багажную сумку.

Пояс с полутора килограммами армейского пластита<sup>6</sup> и шариками из подшипников как раз уместился в сумочке, закрыв собой и смертоносное детище Фрица Августа Вальтера.

Таиса собралась первой. Часто бросая взгляд на часы, она поджидала остальных девочек. Когда пришла восемнадцатилетняя Ракият Аушева, они вдвоем подтащили тело уборщицы к шкафу. Полноватая женщина не сразу поместилась в нем. Только подоспевшая Ева Акуева, лет на семь старше подруг, подала совет, как правильно поступить. Хлопнула дверца, и в раздевалку вошли последние шахидки: Лейла Эктумаева и Марема Гериханова, Элла Хаджиева и Джамиля Сулимова.

Из клуба они выходили по одной и парами. У каждой был с собой смертоносный груз.

Таиса и Ракият поймали такси. Еве быстро повезло с частником на восьмой модели «Жигулей». На частнике же уехали и Лейла Эктумаева с Джамилей. Словно стговорившись, они отправлялись в путь в том же порядке, в котором пришли в клуб, чтобы экипироваться. Марема и Элла, садясь в такси, назвали тот же, что и остальные, пункт назначения – железнодорожный вокзал «Московский» города Новограда.

*«Пришел мой день, и завтра я пойду против неверных во имя Аллаха, во имя себя и вас, во имя мира».*

Это сказала каждая из шахидок, сидя в черном хиджабе с прорезью и черном же платье перед видеокамерой. Обращение смертниц покажут не только родственникам, но и «другим девочкам и ребятам», чтобы знали их не в лицо, а в «смотровую щель» шахидок. Чтобы очередные смертники видели их убежденность и тоже шли на героическую смерть.

Ни одна из шахидок не принимала наркотиков или психотропных средств. Некоторых даже не агитировали. К примеру, Ева Акуева – старшая этого сераля смерти – сама вызвалась стать шахидкой, чтобы отомстить за смерть мужа. Таиса Муслимова не была глупой и доверчивой дурочкой, но ее вдохновлял просмотр таких видеокассет, серию которых она пополнила вчера в полдень.

---

<sup>6</sup> Так называемый «армейский пластик» приблизительно в 12 раз мощнее тротила (тринитротолуола).

## 6

*Марбелья, Испания, 7.25*

В это солнечное утро сорокапятилетний Ахмед лежал на розовых атласных простынях. Он привык к водяному матрасу и не представлял, как будет спать на обычной, пусть даже пуховой перине. Вечером он намеренно оставил шторы распахнутыми. Он всегда просыпался раньше рассвета, но любил поджидать его с открытыми глазами. У него поменялось бы настроение, если бы он в это утро встал с кровати и прошлепал босыми ногами к окну.

Возможно, вчера поздним вечером кто-то с улицы наблюдал за «сладкой парочкой» – бывшим чеченским актером Ахмедом и бывшей американской актрисой французского происхождения по имени Мишель, приютившей международного террориста.

То, что она была старше Ахмеда на десять лет, проявлялось лишь под утро: без косметики она казалась страшнее Усамы бен Ладена. Наверное, пришел как-то раз к выводу Ахмед, так выглядит смерть – если ее затрахать до смерти. Особенно выделялась ее длинная шея, покрытая сетью морщин. Кожа на ней только что не шелушилась. Однако все эти недостатки исчезали либо при лукавом вечернем освещении, либо под воздействием косметических масок. Или камуфляжа, если перейти на профессиональный язык террориста, объявленного в международный розыск.

Актриса была искусственно худа, а точнее, истощена. Не считая природного белка, который она поглощала в огромных количествах, Мишель питалась исключительно растительной пищей. Даже яиц не ела, только их производное. Денег на своего чеченского любовника актриса не жалела. Она выкладывала их на адвокатов, на поднаем жилья, в котором время от времени скрывался, играя какую-то роль, ее коллега по актерскому цеху.

От Ахмеда она переняла диковинную привычку: по утрам мыть сначала ноги, потом чистить зубы и переходить, как в конце утренней гимнастики, к основным водным процедурам. Вот и сейчас «товарищ» актриса мыла ноги. Словно всю ночь топтала дерьмо. На очереди – Ахмед, топтавший, казалось, то же самое.

Испанские апартаменты французской дивы, которые приютили отставных комедиантов, находились в зоне видимости двухэтажного особняка, где «оборотень» от ГО МЧС России генерал Владимир Ганеев прикупил около двухсот метров с несколькими гостиными, спальнями и санузлами. В ста метрах от Средиземного моря. Вторая линия от воды поселка Марина-Пуэнте-Романо, престижного пригорода известного курорта Марбелья.

Ахмед встал и подошел к окну. Распахнул обе створки. В спальню с кондиционированным воздухом ворвался свежий ветерок, дующий с Гибралтарского пролива. Он нес запахи моря и оффшорной зоны, где в Британском Гибралтаре у Ахмеда лежала в банке крупная сумма.

\* \* \*

*29 ноября 2003 года бывшему полевому командиру Ахмеду Закаеву, чьей экстрадиции Россия безуспешно добивалась больше года, было предоставлено политическое убежище в Великобритании. Об этом официально объявил пресс-секретарь британского МВД. Генпрокуратура России обвиняет Закаева по одиннадцати статьям Уголовного кодекса, в том числе за убийства, похищения людей. 13 ноября 2003 года магистратский суд Лондона отказал России в выдаче Закаева. Судья Тимоти Уоркман решил, что Российская Генпрокуратура преследует Закаева по политическим мотивам. «На основании изучения материалов дела я пришел к неизбежному заключению, что возвращение Закаева для суда в России будет несправедливым», – отметил господин Уоркман.*

*«Лондон поделил террористов на плохих и хороших», – заявил свидетель по делу Закаева, представитель Чечни в Совете Федерации Ахмар Завгаев.*

*Все свои антироссийские деяния Ахмед Закаев совершил в период с 1994 по 1996 год, когда возглавлял в Чечне банду под названием «Юго-Западный фронт». В 1997-м Закаев от вооруженного сопротивления отошел и служил министром культуры Ичкерии вплоть до начала антитеррористической операции, после чего вскоре покинул республику.<sup>7</sup>*

\* \* \*

Ахмед покинул Чечню, но не порвал связей ни с Мовлади Удуговым (Тенишевым), «редактором» сайта kavkaz.org, ни с Зелимханом Яндарбиевым. В частности, активно участвовал в распределении денег, которые Яндарбиев получил в октябре 1999 года (после начала второй чеченской войны) в Катаре и ОАЭ (речь идет о 35 миллионах долларов). «Эти деньги предполагалось израсходовать на подготовку в Афганистане боевиков, которых затем перебрасывали в Чечню». В ходе следствия по делу о захвате заложников в Театральном центре на Дубровке «правоохранительные органы России получили оперативные данные о причастности Яндарбиева (и косвенно – Ахмеда Закаева) к этому теракту. В прессе сообщалось, что именно с Яндарбиевым и его людьми связывался по телефону командир боевиков Мовсар Бараев».

Прибыв в Германию в конце января этого года с «официальным» визитом, Ахмед встретился с представителями чеченской диаспоры в Германии и Австрии, где было принято решение провести очередной теракт в России. Деньги (спонсорами выступала Саудовская Аравия) были получены и переправлены в Россию по налаженным каналам. По ним же ушло австрийское оружие. Только Зелимхан Яндарбиев – главный идейный вдохновитель и организатор последних терактов, совершенных чеченскими террористами в России, присвоивший часть денег, распрощался с жизнью аккуратно спустя неделю после теракта в Московском метро.

\* \* \*

*13 февраля 2004 года в столице Катара Дохе был взорван автомобиль, в котором находился Зелимхан Яндарбиев – один из лидеров чеченских сепаратистов, в течение девяти месяцев после смерти Джохара Дудаева возглавлявший правительство сепаратистов. Два человека, находившихся в автомобиле вместе с ним, погибли на месте. Сам Яндарбиев в критическом состоянии был доставлен в больницу, где умер спустя несколько часов. Яндарбиев возвращался с пятничной молитвы вместе со своим сыном Даудом, который получил серьезные ранения, но остался жив.*

*Именно Яндарбиева российские спецслужбы считали человеком, отвечавшим за связи сепаратистов с международными террористическими организациями, и в первую очередь с «Аль-Каидой». В Москве убеждены, что не случайно Яндарбиев, уехавший из Чечни в 1997 году, обосновался в одной из стран Персидского залива – Катаре. Именно из этого региона идет основное финансирование «освободительной борьбы» чеченских шахидов. И как раз Яндарбиев, по одной из версий, отвечал за «финансовые потоки», идущие в Чечню из Саудовской Аравии и соседних государств.<sup>8</sup>*

---

<sup>7</sup> Вадим Речкалов, «Известия», 2 декабря 2003 года.

<sup>8</sup> Максим Юсин, «Известия», 14 февраля 2004 года.

\* \* \*

Известие о смерти Яндарбиева едва не вывело Ахмеда из равновесия. Он точно знал, кто стоит за покушением на земляка. Конечно же, не из-за «кровной мести», как уже поспешил предположить бывший директор ФСБ Николай Ковалев. Конечно же, не СВР России, о чем сказал руководитель пресс-бюро Службы внешней разведки Борис Лабусов. («Ни СВР, ни ее предшественник – Первое главное управление КГБ СССР – подобного рода вещами не занимаются с 1959 года» (тогда был убит за рубежом лидер украинских националистов Степан Бандера). Это дело рук военной разведки России, за которой отчетливо проглядывали стальные глаза российского президента. Ахмед даже представил себе Путина, отдающего приказ на ликвидацию Зелимхана, отвечавшего за финансирование чеченских боевиков.

Так же поспешно сделали выводы все мировые СМИ: «Даже если покушение на Яндарбиева действительно организовали российские агенты, они не сделали ничего такого, что до них не осуществляли бы (причем многократно) спецслужбы других государств, причем вполне цивилизованных и демократических».

Даже был приведен пример: «Израильский «Моссад» ликвидирует арабских террористов по всему миру – не только в Азии и Африке, но и в тихой Европе. А в мае 2002 года американцы расстреляли ракетами машину, в которой находились шесть человек, в том числе один из активистов «Аль-Каиды». И нисколько не смутил американцев тот факт, что автомобиль находился на территории суверенного Йемена. Война с террором не признает государственных границ».

Да, акции такого рода не проходят без личного указания главы государства, справедливо заметил Ахмед. Вот только не удавалось представить, в какой форме был отдан приказ, какие слова прозвучали в рабочем кабинете Путина, а может, в его загородной резиденции. Отсюда вытекало следующее: агенты российской разведки давно пасли Зелимхана, были готовы приступить к окончательной фазе в любой момент. Могли на следующий день после теракта в Московском метро, но получили скорее всего четкие указания устранить Яндарбиева в пятницу, в тот день, когда проходит большинство терактов, день для мусульман священный. Что служило очередным доказательством причастности к этой акции российских спецслужб.

Вот сейчас, глядя в окно, выходящее на первую линию Марина-Пуэнте-Романо, где были расположены виллы арабских нефтяных магнатов, облюбовавших это место очень давно, Ахмед невольно отстранился. Даже провел рукой по морщинистому лбу. На миг показалось, что по нему проползла красная точка лазерного целеуказателя снайперской винтовки. Еще и оттого, наверное, что в груди жило беспокойство, что планы по подготовке теракта станут известны российским спецслужбам. Хотя вряд ли. Можно уверенно загибать пальцы: тщательная подготовка – это раз, довольно большая, но мобильная группа, состоящая из единомышленников, готовых ко всему, – два. Все переплетено, лишних никого нет, все на глазах друг друга, никакой утечки. Третье – беспечность, неверие силовиков, что боевики снова совершат нечто подобное акции на Дубровке. И подпункт, что ли, касающийся камуфляжа: он был естественным. Никто не переодевается (в случае с терактом, совершенным у Дома правительства Чечни, террористы облачились в камуфляж и двигались под видом военной колонны). И если у последних не было никаких удостоверений, то у первых есть все документы.

Прихватив сотовый телефон, Ахмед пошел мыть ноги – в другую ванную, ибо их в испанских апартаментах Мишель было три. Включив воду, Ахмед набрал номер телефона. На водонепроницаемых часах, с которыми он не расставался, отметил время. Когда абонент ответил, Ахмед спросил:

– Как дела?

– Все идет по плану.

– О'кей, действуйте. – Нажал на кнопку, прерывая разговор. Сморщился. Забыл сказать «пароль»: «Аллах акбар!»

Ахмед зашел в будуар. Из зеркала на него посмотрели сильно полинявшие голубые глаза Мишель. Она сидела за столиком в бордовом халате и работала над своим лицом: прятала под слоем пудры мелкую сеть морщин под глазами. Обычно Мишель вставала не раньше десяти, но сегодня была запланирована поездка в Мадрид, где Ахмеда поджидали какие-то люди.

Слова «дорогой» и «любимый» для Мишель писались лишь в киносценариях, в реальной жизни она ими не пользовалась. Ни один любовник, зачастую вооруженный плетью, не мог выбить из нее таких нежностей. Сожителей она, как правило, называла по именам. Правда, с Ахмедом поначалу возникла заминка. Француженка будто боялась поперхнуться его именем. Порой казалось, что она вздыхала: «Ах!.. Мед». Иногда каркала: «Ах-х...» И привычно проглатывала «медовое» окончание.

Ахмед же шепелявил с характерным чеченским акцентом: «Ми-щель».

Он неплохо разговаривал по-английски, сносно общался на немецком. На французском же мог произнести лишь имя своей любовницы (она была настоящим полиглотом и даже бегло читала на санскрите) и «крылатую» фразу: «A la guerre comme a la guerre».

Вот и сейчас произнес, что «на ней, как на войне». К чему он это сказал, Мишель так и не поняла.

## Глава 4

### Ворота города

#### 7

*Новоград, 8.10*

Михаил Артемов перехватил рабочий портфель в левую руку, а правую, окоченевшую, сунул в карман куртки. Вокзальное табло показывало минус двадцать четыре градуса. И время: 8.10. Казалось, металлические навесы типа грибов только добавляли холода. Ровными рядами протянувшиеся над перронными путями, они были покрыты толстым слоем инея и выглядели хрупкими. Не ровен час они надломаются, и рифленая кровля накроет пассажиров, нашедших под ней мнимую защиту, а поддерживающие столбы упадут на коптящие поезда. Просто не верилось, что в вагонах сейчас теплее, чем на перроне. Даже в самом здании вокзала было холодно. В зале ожидания люди кутались в шарфы, но упорно не хотели покидать своих насиженных мест. А если кто и вставал, то для того, чтобы выйти на лютый мороз и прикурить очередную сигарету. Брр...

«Ворота» города. Артемов вспомнил, что именно так часто называют вокзалы. Эти «ворота» он, в поисках спецвагона с осужденными, проходил уже во второй раз. Военный комендант железнодорожного вокзала «Московский» навел справки, но категорически отказался выступить в роли сопровождающего. Он как-то зло хлопнул дверью, скрываясь в своей теплой и уютной конторке.

Этого стоило ожидать, злился Артемов, когда на технической станции, где осуществляется подготовка составов пассажирских поездов в рейс (обмывка, очистка, техосмотр и прочее) и куда полковника занесло по наводке военного коменданта, не нашлось треклятого вагона. Артемов прошел нескончаемые пути приема, экипировки, отстоя составов, узнал много нового на маневровых и соединительных путях. Возле устройства для безотцепочного и отцепочного ремонта вагонов дал закурить какому-то небритому типу в грязной телогрейке. Тот безапелляционно заявил: «Я возьму пару». Но взял сразу три сигареты. На вопрос, где может находиться вагон с заключенными, небритый повернулся к Артемову спиной и спросил:

– У меня на спине ничего не написано?

«Типа «Справочного бюро», – от себя дополнил полковник.

Он долго смотрел вслед этому полубомжу, удивлялся своему терпению и отсутствию ржавого револьвера в кармане. И глаза у него были печальные, как у Швондера.

Привокзальная площадь «Московского» по отношению к перронным путям была расположена выше и соединялась широкими – до шести метров – пассажирскими тоннелями, а на участках с пригородным направлением – пешеходным мостом. Михаил Васильевич, вышагивая над составами, тщетно пытался с высоты определить искомым объект. Бесполезно. Он спустился по обледеневшим ступеням моста и вышел к первому пути, с которого осуществлялось отправление поездов по стрелочным переводам. За ним был еще один путь – тупиковый, упирившийся в приземистое строение, вплотную примыкающее к зданию вокзала. Именно там, среди беспересадочных вагонов, точнее, во главе их, полковник увидел вагон с двойными решетками. Мелкоячеистые – изнутри, более привычные крупные – снаружи. «Нашел!» – радостно пронеслось в голове полковника. А ведь он проходил совсем рядом. Но Артемова угораздило попасть на западное полукольцо, где пришлось скакать по платформам и рискованно топтать по шпалам.

Когда полковник стучал в закрытую дверь тамбура, из громкоговорителя несся предостерегающий голос диктора: «Уважаемые пассажиры! Железнодорожный вокзал «Московский» является объектом повышенной опасности...» На секунду полковнику показалось, что он действительно в Москве. Вот уж где действительно вокзалы – объекты повышенной опасности. А с 6 февраля 2004 года – и метро. Артемов всегда ездил на работу на машине. Однако после теракта в столичном метро намеренно спустился в подземку. И увидел то, что и ожидал: совсем другие лица. На них было выписано подозрение, тревога, ожидание. Вагоны электропоездов москвичи покидали с заметным облегчением. Не это ли главная задача террористов? Наверняка. Сверхзадача. Посеять страх, недоверие. В один миг несколько миллионов человек стали совсем другими. Стали ли они более бдительными? А что толку? Бдительность притупится, тяжело шаркая по отрезкам времени; ведь не каждый ответит сейчас, что произошло 23 октября 2002-го. Тогда казалось, начался отсчет новой реальности. Правильно кто-то заметил: «Круша Всемирный торговый центр в Нью-Йорке, террористы метили в сердце мировой экономики. Превратив в заложников абсолютно мирных граждан, террор ударил по Человеку».

Быстро, очень быстро рубцуются раны. *И террористы знают об этом.*

Дверь открылась, и полковник увидел хмурого солдата в камуфлированной одежде и с автоматом Калашникова наперевес.

– Здравствуй, – кивнул Михаил Васильевич и представился: – Полковник Артемов. Мне нужен начальник этапа.

– Стойте здесь, – сурово предупредил солдат. – Сейчас позову.

Лязгнула дверь, сбрасывая с себя иней, и полковник снова остался один. Он оглянулся. К этому тупиковому пути подходил из-за плавного поворота локомотив. Наверное, будет растаскивать вагоны, попробовал угадать Артемов. А их здесь... Он, прищурившись, посчитал. Ровно одиннадцать. Почти состав. Сразу же за спецвагоном стоял почтовый, еще дальше – багажный, потом какой-то номерной с матовыми, как в туалете, стеклами.

Артемов ошибался, когда посчитал этот путь крайним к зданию вокзала. Еще один, наверное, самый тупиковый, находился с ним на одной линии. На нем, небранном и заснеженном, стоял состав из шести купейных вагонов; на каждом была крупная надпись: «ГОСТИНИЦА». А под ней – более мелкая и совершенно неуместная: «Биотуалеты». Вот и пойми, что это на самом деле.

Вообще этот вокзал отличался от тех, на которых довелось прежде побывать Артемову. Современная архитектура не в счет, изюминка крылась в антураже. В том числе звуковом. Как и в пассажирских поездах, тут из громкоговорителей лилась музыка (только что отзвучала «Снежинка» в исполнении Ветлицкой, ей на смену явился «горячий» «Вишневый пирог» Шаде в стиле «jazz-funk») – негромко, ненавязчиво создавая оригинальный фон. Это напомнило полковнику военной разведки хоккейный матч, где паузы в игре заполняются музыкальными вставками и искрометным выступлением соблазнительных девушек из групп поддержки. На вокзале основой была музыка, паузы же заполнял голос диктора. Группа поддержки – уборщицы с ведрами и швабрами.

Как ни странно, на эту особенность Артемов обратил внимание не сразу, а лишь когда немного освоился в зале и выбирал в киоске «Роспечати» чтиво. Какая-нибудь свежая газетка или журнал были необходимы: обратно в Москву он поедет на поезде – сюда же прилетел на дорогом виде транспорта потому, что догонял вагон с этапом. На лишние три «штуки» на самолет ему, разумеется, рассчитывать не приходилось.

И еще одна особенность, которую не мешало бы перенять и московским чиновникам. «Необычное и очень удобное решение», – пришел к выводу Артемов, невольно изучая информационное табло. Его было видно практически с любого места в зале ожидания, поскольку «передавало» оно на две стороны. Здесь отображалась как стандартная информация о прибытии и убытии поездов, так и довольно нетипичная: время, оставшееся до отправления, причем

вплоть до секунды. Удобно, не нужно ничего вычислять и прикидывать. Осталось пять минут сорок секунд, *надо поторопиться*.

Среди множества «макулатуры» полковник заприметил еженедельник «Власть». Он отсчитал пару целковых, протянул их киоскерше, как вдруг прямо перед ней, среди газет – наиболее ходкого товара, расположенного под рукой, – увидел красочный журнал «Лиза». Конечно, и девушки в бикини на обложке привлекли внимание военного разведчика, но главное заключалось в другом. Однажды из такого журнала жена Михаила Васильевича вырезала какой-то купон и получила скидку на тушь для ресниц в московском супермаркете «аж на двадцать процентов». «С ума сойти!» – прокомментировал тогда Артемов женину радость, глядя в ее загнутые, как у Милы Йовович, ресницы. «Хороший подарочек, – не сдержал широкой улыбки Артемов, расплачиваясь за «Лизу», – за ним я, как Иван-царевич за Кошечевой смертью, умотал за тысячу верст». Появилось шалое желание купить заодно ножницы, вырезать купон, вложить его в конверт и подписать: «Помню. Люблю. Всегда твой – Миша».

...Дверь вагона открылась во второй раз. На Артемова смотрел человек лет двадцати семи, одетый в камуфляж и высокие теплые ботинки на шнуровке. Коротко стриженная голова была непокрыта, высокий лоб прорезали сосредоточенные морщины. Однако в глазах не замечалось суровости. Губы у начальника этапа были по-детски пухлые, как у юнца. Вот они разошлись в благодушной улыбке:

– Полковник Артемов? Разрешите посмотреть ваше удостоверение.

Офицер присел на корточки и внимательно изучил документ. Даже просмотрел справку о местожительстве – постоянный атрибут к удостоверениям личности.

Вернув корочки, офицер откинул платформу и посторонился:

– Поднимайтесь, товарищ полковник. – Когда Артемов оказался в тамбуре, его собеседник представился: – Старший лейтенант Родкевич. Проходите.

Полковник протянул ему руку, но Родкевич не заметил этого жеста, повернувшись к Артемову спиной. Михаил Васильевич, шмыгнув носом, посмотрел на свою ладонь и спрятал ее в карман куртки. Туда же сгинула и кратковременная неловкость.

В вагоне было тепло – это первое, что отметил обрадованный разведчик.

– Еле нашел вас, – попенял он то ли на себя, то ли на молодого офицера. И бросил взгляд вдоль темноватого узкого прохода. В перспективе взгляд уперся в дверь противоположного тамбура, за зарешеченным окном которой обозначилась фигура вооруженного автоматом конвоира, одетого в теплую куртку. Он то ли стоял на посту, то ли просто вышел покурить.

– Немудрено заблудиться, – старший лейтенант кивнул в сторону, подразумевая сотни вагонов, многие десятки строений, километры железнодорожных путей. – Заходите.

Родкевич первым вошел в купе, которое в обычных пассажирских вагонах занимают проводники. Справа мягкая, застеленная темно-коричневым одеялом полка, напротив – шкаф-купе, у зарешеченного окна – привычный откидной столик.

– Если есть оружие, сдайте его мне.

– Оружия нет, – обезоруживающе улыбнулся Артемов.

– Куртку повесьте на крючок, – предложил Родкевич, кивнув. – Он справа от вас. Может, чаю выпьете с мороза? Титан горячий.

Артемов не стал отказываться. Присев на полку и повесив куртку, он посмотрел сначала в окно, потом перевел взгляд на лейтенанта, стоящего у титана.

– Много народу везешь? – спросил он. – Опасный контингент?

– Вообще-то мне поручено...

– Я просто спросил, – перебил его Артемов.

Родкевич поставил на столик стакан с горячим чаем и повернул подстаканник ручкой к полковнику. «По-английски», – многозначительно заметил Михаил Васильевич. Он подвинулся и по-хозяйски похлопал по полке: присаживайся, мол, не стесняйся.

– Опасный, спрашиваете? – лейтенант сел и закинул ногу за ногу. – Можно и так сказать. Везу восьмерых спецназовцев. Вашего Ильина в колонию строгого режима, остальные идут на дисбат.

– Что, колония рядом с дисбатом?

– Буквально через дорогу.

– Только восемь человек? – уточнил полковник, отхлебнув из стакана, и пошутил: – Где остальные? Разбежались?

– Хорошо, что восемь, – улыбнулся своими пухлыми губами Родкевич. – За что их? Неуставные взаимоотношения?

– Да нет. Отметелили во время зачистки каких-то мирных чеченцев, потом постреляли маленько в чеченских омоновцев. – Родкевич неожиданно рассмеялся. – Ругаются на чем свет стоит! Им бы, конечно, лучше в колонии отсидеть.

\* \* \*

*Группа сержанта Данилова входила в одну из четырех батальонных усиленных групп ВДВ, находящихся в горной части Чечни. Задачи: борьба с боевиками в зонах своей ответственности, участие в проведении совместных операций по выявлению и уничтожению бандформирований, участие в проведении поисковых действий с целью выявления баз сепаратистов и в проводках колонн, связанных с разведыванием маршрутов, разминированием. Плюс содействие подразделениям Погранслужбы ФСБ России по предотвращению прорыва бандгрупп в Чечню с сопредельных территорий.*

\* \* \*

– Отмотали по полной дисбатовской катушке, – пояснил Родкевич, – каждому по два года. Я думаю, если бы не перестрелка с омоновцами, им бы дали зону. А так посчитали это как конфликт между военными – и под трибунал. Вообще же картина привычная, я три года в таких вагонах мотаюсь.

– Да, несладко им, – равнодушно посочувствовал Артемов. – Тебе тоже. Ты женат?

– Пока бог миловал.

– Тебе Андреем зовут, да?

– Так точно.

– У меня к тебе просьба, Андрей. Когда приведешь Ильина, и ему принеси чаю. Хорошо? Только не в кружке, а в стакане – как мне.

– Думаете, они бедствуют в этом плане?

– Я ничего такого не думаю. У меня серьезное дело к Ильину, понимаешь? Стаканом чая его я к себе не расположу, но, согласись, будет неудобно глотать чай в одностороннем порядке. Я же не следователь. Кстати, сколько у меня времени?

Андрей посмотрел на часы.

– Около двух часов. В половине одиннадцатого нас обещали подцепить к почтово-багажному составу. Если бы не один из моих конвойных – он местный, работал на этой «железке», многих знает, – загнали бы нас черт знает куда. А так он пообщался с железнодорожниками, они нас – видите? – чуть ли не на первый путь поставили.

Артемов понял собеседника, может быть, по-своему: вагон, его словами, с «опасным контингентом» поставили едва ли не на первый (привилегированный) путь, вплотную к стратегическому объекту, чтобы потом прицепить к почтово-багажному составу. Каша какая-то. Сваренная безответственным поваром, до полу раскатавшим рукава халата. *А если убежит каша?* И он ответил:

– Это что. В прошлом, кажется, году, я по радио услышал: «С воскресенья на понедельник самолет «Ан-2», принадлежащий компании «Молдавские авиалинии», пропал вместе с тремя украинскими пассажирами на борту. Самолет летел из Будапешта в Тунис».

Родкевич улыбнулся.

– Сейчас приведу Ильина.

– Погоди, Андрей. Ничего, если мы побеседуем в твоих апартаментах? – запоздало спросил Артемов.

– Считайте это моим предложением.

«Дипломатичный парень», – отметил полковник. Он открыл свой потертый кожаный портфель, выложил на стол бумаги, приготовил авторучку, отметил по привычке время и наговорил в диктофон первую фразу:

– «8.31. 20 февраля 2004 года. Новоград, вокзал «Московский», спецвагон с этапированными».

Нажал на кнопку «пауза».

## 8

Лейтенант Кабаев, держа в руках пачку командировочных предписаний, стоял перед взводом, выстроившимся в четыре шеренги. Рядом, то и дело широко зевая, переминался с ноги на ногу дежурный по части. Начальник штаба майор Надточий наблюдал за привычной процедурой из окна своего кабинета, выходящего на асфальтированный пяточок. Сейчас на нем нещадно коптил выхлопными газами изрядно потрепанный автобус Ликинского автозавода: стандартного желтого цвета, со сношенными дверными уплотнителями и недавно отреставрированными сиденьями.

Взвод лейтенанта Кабаева уезжал в очередную командировку. В дагестанском Хасавюрте в следующую пятницу должны были пройти очередные соревнования по трем видам спорта: бокс, вольная и греко-римская борьба. В этот раз в состязаниях собирались принять участие шесть армейских «клубов», включая спортсменов из новосибирского инженерного полка, проходящих срочную службу.

У начштаба никогда не возникало желания прокатиться вместе со спортсменами. Он принадлежал к той категории людей, которых не прельщают соревнования «самопальных» команд. Неважно, какой у них уровень подготовки, главное – нет имен. Какой-то «кожаный мяч», вывел не совсем удачное сравнение начальник штаба. Не за кого болеть и совать грязные пальцы в рот, чтобы поддержать команду своим свистом.

«Ничего путного из них не получится, – рассуждал Надточий. – Это как музыканты в воинских частях: играют хорошо, но выше родного армейского клуба не поднимутся – планка. Они нужны, конечно, чтобы поддержать авторитет части. К примеру, в батальоне не было штатной единицы музыканта или того же спортсмена. Но по документам они проходили как мастера, механики, электрики, машинисты автомобильных кранов и так далее. Традиция. И никто ее пока не отменял и в ближайшем обозримом будущем не отменит».

Лейтенант Кабаев взял предписание, лежащее сверху пачки командировочных документов, и негромко назвал первую фамилию:

– Газманов!

Вперед шагнул лет двадцати трех старший сержант по имени Саид. Заместитель командира взвода. Вольник, среднего роста, кряжистый, необычайно сильный. Черноволосый, нос с горбинкой. Одет в новую шинель, новые же юфтевые сапоги. За плечами туго набитый рюкзак.

Лейтенант кивнул в сторону автобуса и переложил предписание под низ стопки. Подышал на закоченевшие пальцы и назвал следующего бойца:

– Тумриев!

Имя – Усман. Младший сержант, командир 1-го отделения, 22 года. Вольная борьба. Среднего роста, крепкого телосложения, близорукий. Одет в новую шинель, сидящую на нем мешком, шапку, которая закрывает едва ли не половину ушей, новые кирзовые сапоги.

– Исигов!

Имя – Гелани. Рядовой. 23 года. Небольшого роста, худощавый. Вольная борьба. Выносливый, сильный. Экипирован соответственно.

– Садуев!

Зелимхан. Рядовой. 21 год. Боксер. Небольшого роста.

– Магомедов!

Абувалид. Рядовой. 21 год. Греко-римская борьба. Высокого роста, крепкого телосложения.

Он и еще несколько человек, чьи имена назвал лейтенант, встали рядом с Газмановым. Отделение в полном составе. Замкомвзвода отдал приказ, и бойцы во главе с Тумриевым заняли места в автобuse.

– Ухманов!

Юсуп. Младший сержант, командир 2-го отделения. 22 года. Вольник. Высокий, широкоплечий, необычайно сильный. Нос прямой, губы тонкие.

– Умаров!

Юсуф. Рядовой, 20 лет. Узбек.

Еще несколько человек, входящих во 2-е отделение, сели в автобус.

– Юнусов!

Владимир. Младший сержант, командир 3-го отделения. 21 год. Мать русская, отец чеченец. Боксер. Жестокий, сильный.

– Султанов.

Магомед. 21 год. Вольник. Среднего роста, русый, кареглазый.

Бойцы 3-го отделения присоединились к товарищам.

– Хубалов!

Ахмед. Младший сержант, командир 4-го отделения. 21 год. Боксер. Среднего роста, широкоплечий, нос перебитый, резко очерченные скулы, силен, вынослив.

– Заурбеков!

Бауди. Рядовой. 20 лет. Греко-римская борьба. Высокий, массивный, вес под сто килограммов, рост – 190. Русоволосый.

Четвертое отделение – комплект.

– Исмаилов!

Руслан. Младший сержант, командир 5-го отделения. 21 год. Греко-римская борьба. Среднего роста. Жесток, беспощаден.

– Душаев.

Абдулкасим. Рядовой. 20 лет. Боксер. Небольшого роста. Силен, ловок.

Пятое отделение заняло места в автобусе.

– Каламанов!

Юсуп. Младший сержант. Командир 6-го отделения, 21 год. Боксер. Русоволосый. По-русски разговаривает без акцента.

– Мурдалов!

Таус. 20 лет. Рядовой. Греко-римская борьба. Среднего роста. Шепелявый, не хватает двух передних зубов.

Лейтенант Кабаев присел на корточки и открыл стоящий на асфальте «дипломат». Положив в него документы и проверив, на месте ли железнодорожные билеты, щелкнул замками чемоданчика. Пожав руку дежурному по части, Андрей сел в автобус, заняв место у застекленной перегородки. Стукнул в нее и показал водителю, что тот может трогаться.

Дежурный по КПП проверил у него документы, зашел в здание пропускного пункта и нажал на красную клавишу пульта. Металлические створки ворот открылись, и «ЛИАЗ» выехал за пределы части.

Андрей пробежал взглядом по лицам бойцов. Все сосредоточены, напряжены. Пока никто не играет. Игра начнется чуть позже. Лейтенант прикурил сигарету и с шумом выдохнул едкий дым.

## 9

Николай Ильин появился в сопровождении начальника этапа и вооруженного конвойного. Пока что полковник видел его со спины. Спецназовца развернули лицом к окну и отомкнули наручники. Даже такой короткий путь он проделал в «браслетах», отметил Артемов. Вряд ли Родкевич демонстрировал бдительность перед полковником ГРУ, просто делал привычную работу. Впрочем, в данный момент, наверное, и не совсем привычную. Родкевич три года мотается в «этапных» вагонах, но едва ли раньше сталкивался с такой ситуацией, когда поезд догоняет полковник военной разведки для проведения в спецвагоне беседы с заключенным.

– Кру-гом! – по-военному приказал Родкевич.

Спецназовец повернулся.

К этому времени Артемов надел очки и смотрел на Ильина поверх оправы. Одежда осужденного почти ничем не отличалась от стандартного темно-зеленого камуфляжа конвойных, разве что была выцветшей. Полковник глядел в его спокойные серые глаза, однако пытался представить сейчас, как преступника запечатлела камера слежения у магазина на 2-й Бородинской. Теперь у полковника не оставалось никаких сомнений: это Ильин «наколел» чеченца Сулеймана Султанова.

– Товарищ полковник, – предупредил Родкевич, – дверь не закрывайте. Говорите вполголоса.

Артемов согласно наклонил голову, принимая условия:

– Хорошо. Но разговор с осужденным у меня конфиденциальный.

– Я понял. Уши греть не собираюсь. Вперед! – Андрей положил руку на плечо спецназовца и тут же отпустил. – Садись.

Выходя из купе, Родкевич все же наполовину прикрыл дверь.

Полковник по-деловому вздохнул и перебрал несколько страниц на столике. В помещении было тихо, и дыхание Артемова через нос казалось излишне громким. Сейчас он чем-то напоминал врача, заполняющего больничную карту в присутствии пациента. Диагноз поставлен, осталось поставить росчерк-закорючку... и оставить без рецепта.

Полковник намеренно затягивал паузу, что являлось тактическим приемом. С другой же стороны, он давал осужденному возможность освоиться в незнакомой обстановке. Сейчас мысли Николая Ильина, без труда угадал Артемов, текут в одном направлении: с какой целью осужденного тревожат очередным вопросом; кто этот человек, чей профиль он рассматривает... Бывший спецназовец, кажется, понимает цель этого неожиданного свидания. А вот теперь нужно взглянуть в его глаза...

Однако беспокойства в них полковник не обнаружил. Николай смотрел спокойно, даже, как показалось Артемову, с едва уловимой иронией.

«Что, – спросил себя полковник, – он был готов к такому повороту? Если да, то подоплека того преступления должна быть более чем весомой. Для самого Ильина, разумеется. Остальные не в счет».

Артемов попробовал разобраться в этом взгляде – по-своему. Пришел к выводу, что на матовой поверхности его глаз не было места блеску. Сделал неожиданное сравнение: они не отражали солнечного света, словно были покрыты антибликовым составом. Что дальше? Взгляд его не потерянный, не заброшенный. Невостребованный? Нет, это из другой оперы. Беспризорный? Пожалуй. Вольный и властный, но без диктаторских проявлений. Слегка сумрачный, но не безнадежный. Усталый, но не тронутый истомой.

Полковник частенько упражнялся таким образом. Такие наблюдения – не всегда верные – к делу не подошьешь, но они будто позволяли заглянуть в душу собеседника, составить о нем личное мнение.

Артемов вздернул рукав пиджака и демонстративно посмотрел на часы.

– Времени у нас без малого два часа. – Глянув в проем полуоткрытой двери, громко позвал Родкевича: – Андрей, мы подымим в твоём кабинете? – Не дожидаясь ответа, вынул из пачки сигарету и протянул спецназовцу.

Дверь открылась. Старший лейтенант молча поставил на стол стакан с чаем и вышел.

– Это тебе, – пояснил полковник Ильину. – Давай, Николай, не стесняйся. Меня называй Михаилом Васильевичем. Я работаю в Главном разведывательном управлении. Все, что ты мне скажешь, останется между нами. Исключая, конечно, руководство, которому я буду докладывать о нашем разговоре. Мне важно знать причину, по которой ты, скажем так, посчитался с Сулейманом Султановым. Я познакомился с видеозаписью, послушал комментарии специалиста. Не скажу, что увиденное мне понравилось, отметил лишь, что это была хорошо подготовленная акция. Когда успел все спланировать-то, Коля?

И тут Артемов впервые услышал голос морпеха. То, что он сказал, полковнику также не могло понравиться.

– Не надо надувать меня через задницу. Я могу и не отвечать на вопросы.

«Н-да», – покачал головой Михаил Васильевич.

– Это в твоих интересах, – заявил он. – Уж поверь мне, полковнику военной разведки. Чтобы надуть тебя через задницу, мне не пришлось бы приподнимать свою, на которой я провёл большую часть сознательной жизни. Я не просто подкатил сюда на такси, как ты, наверное, думаешь, я догонял этап на самолёте. К делу. Сейчас оперативники подшивают материалы на второе дело, а это очередное умышленное убийство. Рецидивом здорово пахнет, Коля. Предварю твой вопрос: военная разведка заинтересована в том, чтобы из тебя не сделали второго Буданова. Погоди-погоди, я знаю, что ты хочешь возразить. Мол, в состоянии аффекта не был, не апеллировал и так далее. Все верно, если не знать об убийстве Сулеймана Султанова. Точнее, о мотивах. Вот о них-то я и хочу услышать от тебя. Ну, так ты поквитался с ним или твоя масштабная акция со снайпером и гарантированным отходом была маленькой шалостью?

Пауза. За время которой Ильин прикурил сигарету и пару раз затянулся.

– Можно и так сказать: поквитался.

– За кого? – полковник не дал Ильину ответить. – Я навёл справки: твоего младшего брата убили в прошлом году. Его Павлом звали, так? И было ему неполных пятнадцать... Вторая причина: до армии ты состоял, скажем так, в криминальной бригаде, по оперативным данным, входящей в довольно крупную преступную группировку. Может, это связано с убийством Сулеймана?

– Не, – Ильин сморщился и разогнал дым рукой. – Я вообще с ним дел не имел. Но если бы захотел дурануть этого барана, дуранул бы. Эту версию можешь отмести сразу.

– Вообще-то я – «вы», – напомнил полковник.

– Самому-то не смешно?

– Ладно, так и запишем. – Артемов нарисовал на бумаге рожицу, украсил ее буденновскими усами и приделал рога. По идее мог изобразить полюбившуюся российскому народу Мясню. Во внешности Ильина отсутствовала какая бы то ни была индивидуальность. Разве что огромные глаза и такое же широкое лицо. Не хватало редкой бородки создателя Мясни и серьги в ухе.

– Знаешь, Коля, когда я собирал на тебя материалы, у меня родилась оригинальная версия. И начал я вот с чего. По-свойски говоря, ты – браток, наезжал, выкручивал руки, крушил и прочее в том же духе. И я спросил себя: на кой хрен этому братану сдалась армия? И пришел

вот к какому простому на первый взгляд выводу: ты спрятался. Что подтверждает следующую аксиому: кто многим страшен, тот многих и боится.

– Еще раз.

– Ладно, не прикидывайся валенком, ты все прекрасно расслышал и понял. Так я продолжу свою мысль. Ты что-то не поделил с братками из твоей бригады, и, когда они наехали на тебя по-крупному, ты сделал ноги. Некоторые, я знаю, прячутся даже на зонах, а ты сделал неординарный ход. Действительно, какой дурак будет искать тебя по линии организационно-мобилизационного управления Минобороны? Выговорить-то с трудом можно. Однако, насколько я знаю, срока давности в вашей криминальной среде не было, нет и вряд ли будет. Тебя рано или поздно прищучат. Ну, как тебе моя версия?

– Ты точно из ГРУ?

Полковник махнул рукой и не стал в очередной раз напоминать, что к нему надо обращаться на «вы», что он не только по возрасту старше, но и по званию, что это ему не смешно и так далее. Все впустую.

– Можешь не сомневаться, – подтвердил он. – И таких, вроде тебя, повидал немало. Знал обалдуев, которые ради спортивного интереса шли в армию и становились классными бойцами. Один генеральский сынок стал профессионалом высокого класса, а на гражданке, словами его отца, у него было три дела: жрать пиво, портить девок и гонять на мотоцикле. Вот и тебя я хочу спросить: не жалеешь, что скрылся в армии?

Морпех улыбнулся:

– Не, армия меня многому научила. С ростовскими пацанами скорешился. Ты не пове-ришь, один тоже скрывался от папика.

«Папик – это пахан, – перевел Артемов. – Начинаю делать успехи».

– Нашел папик твоего ростовчанина? – полковник продолжил располагать к себе живую копию Олега Куваева.

– Да ладно! Какой дурак будет по казармам шарить? Как там: организационно-моби-лизационное управление?

– В точку попал.

Прошло не меньше минуты, прежде чем Николай Ильин заговорил. Начистоту, ничего не утаивая. Голос у спецназовца звучал ровно. Он прерывался лишь, когда морпех глубоко затягивался сигаретой или прикуривал новую. К чаю он так и не притронулся. Артемов, слушая его, буквально чувствовал призрачное раскачивание вагона, стук колес. В общем, тот своеобразный фон, без которого, казалось, был невыносим откровенный рассказ собеседника. Или скорее – попутчика.

– Я торчал в Чечне, когда убили брата. Мне дали трое суток без учета времени в дороге. Из Ханкалы я на военном транспорте прилетел в Чкаловский. На аэродроме меня встречал «уазик» из районного военкомата. Домой приехал в полдень, а на три был назначен вынос. В этот же вечер переговорил с друзьями Пашки. Сказал: «Убью, суки, если что-то утаите от меня». Я и до армии знал, что Пашка крутится среди нацболов, домой газеты таскал – «Лимонку», «Для русских людей», еще какие-то, не помню. Путина цитировал, засранец: «Нам не нужно 300 тысяч казаков, нам надо 300 казаков, умеющих петь и плясать». Короче, недоволен был президентом. Сказать, что он заразил меня своими идеями, – нельзя. Я и сам понимал, что Россия – проходной двор, что каждый день начинается с приветствия: «Аллах акбар, россияне!» Потом гремит «салют». Я точно знаю, что Пашка не принимал участия ни в каких погромах. Хотя видел у него и заточку, и арматуру. И одевался он соответственно: в высокие сапоги на шнуровке, кожанку, брит был наголо. Я его предупредил: лишканешь – лично башку сверну. Он заверил: это – для души. Я снова предупредил: «Душу вытрясу!» В общем, его дружки рассказали мне все. Рядом с нашим домом (на 2-й Бородинской) был магазин, которым владел чеченец Сулейман. Каждый вечер он приезжал в магазин на своем «мерсе». И Пашка с

друзьями однажды купили на рынке пару свиных ушей и приляпали их на зеркала заднего вида сулеймановского «Мерседеса». В первую очередь чеченец продал оскверненную тачку, потом нашел одного из «налетчиков» – камера слежения у магазина ему в этом помогла. Отследили, короче, двух пацанов, привезли на заброшенную стройку. Пашкиного друга и пальцем не тронули, а самого Пашку казнили. Сначала уши ему отрезали. Потом надрезали задний проход, затолкали туда уши и утрамбовали стеклянной бутылкой. Бутылку вперед горлышком засунули – до конца. Потом раскололи доньшко. Даже не связали его. Он не мог сделать ни одного движения – осколки резали его изнутри. Он умер от боли и потери крови. А Пашкиного друга предупредили: выкнешь, мол, и тебя ждет то же самое. Тот и засунул язык в жопу. Менты до сих пор не знают, кто Пашку порешил и за что. У меня в заначке осталось тридцать «штук» баксов. Я взял «косарь», хранил его все то время, что находился в Чечне. А когда нашу роту вернули в расположение части, я скинул начштабу бабки, и он сделал отпуск двум парням из нашей роты, а меня «положил» в госпиталь. Потому что второго отпуска подряд сделать не мог, вдобавок у меня через два месяца был дембель. Я же не мог ждать и двух недель. Разумеется, начальник штаба был не при делах. Просто я сказал, что очень надо. Поначалу он «кисляк смастерил», потом стал смотреть на вещи просто. В госпитале у него были мощные прихваты, поэтому насчет алиби я не беспокоился. Короче, я переоделся в гражданку и мотнул из Астрахани домой. В первую очередь я узнал, что Сулейман по-прежнему приезжает в свою лавку по вечерам. Я снова полез в закрома и пошел за «железом». Купил на Тушинском рынке финскую снайперскую винтовку «Sako», модель «TRG-21» калибра 7,62 за шесть «штук». Я и до армии держал такую в руках, а одну точно такую «железку» однажды мы изъяли из схрона. Ударно-спусковой механизм регулируемый, ударник и затвор в закрытой позиции, приклад корректируемый, оптика, сошки. Хорошая «хлопушка». Хрен разберешь, может, и перебашлял, во всяком случае, торговаться не стал. В «Московском» универмаге присмотрел хорошее «лезвие» за две с половиной тысячи «деревянных» – под финку и с небольшим упором. Дома доработал клинок: наточил так, что бриться можно было. Смастерил ножны. Пару дней искали место для снайпера. Нашли на чердаке. Там же и спрятали до поры до времени винтовку. Потом я поставил какого-то лоха у Трех вокзалов – угнал у него жигулевский «концепт»: «шаху» белого цвета. Другой мой приятель «прикатал» тачку за пару дней. На пятые сутки все было готово. Я стоял за углом дома – с той стороны, где камера наружного наблюдения не работала: на ней все это время не горела красная лампочка. Когда подъехал «мерс» Сулеймана, я пошел навстречу. Когда до чеченца оставалось пять или шесть шагов, снайпер снял телохранителя. Стрелял без «глушака», выстрел был громким. Только Сулейман почему-то не отреагировал на него. Снайпер положил в грудь охраннику вторую пулю. А я уже был рядом с палачом. Сказал ему, кто я и зачем здесь. Чтобы он, сука, знал, кто и за что его насадил. Я не стал смотреть, как он корчится. Знал твердо одно: после такого удара шансов выжить – ноль целых и хрен десятых. На «шахе» объехали квартал и подобрали снайпера. В часть возвращались через Астрахань. Я «выписался» из госпиталя. Получилось так, что вернулись с пацанами на сутки раньше срока. Я снова подмазал начштаба: привез ему трехлитровую банку маринованных опят, литр водки, сунул пару сотен. Он предложил мне выпить с ним, я отказался: мент он в моем понятии. Я все еще был на взводе, когда Юсуп Валидов начал наезжать на меня. Я стоял помощником дежурного по роте, а этот урод – дневальным. Я велел ему затянуть потуже ремень – не «дед», мол, не борзей. Оказалось, что ему все можно. Вообще ранг у таких на репе выбит, русских за быдло считают. Слово за слово, хреном по столу, он схватился за штык-нож. А во мне спецназовский автомат сработал: пускать нож в ход, абсолютно не задумываясь. Это у разведчика внутри сидит. Короче, я отработал по всем принципам: скорость, точность поражения и простота. Не мог подумать о том, что повторяю удар, которым расквитался с Сулейманом. Вот, наверное, и все.

В купе спецвагона надолго воцарилась тишина. Артемов не мог себе сказать, что его задела история морпеха Ильина. Больше тронул его этот обезличенный голос. Голос человека, который не раскаивается, не хочет раскаиваться в содеянном. В таком спокойствии отсутствовала и жалость к себе. Смирился ли он? Глядя на бывшего спецназовца, этого не скажешь. Может, принял как должное? Вряд ли ответишь. Да и незачем, наверное.

Артемов задумался вот над чем: сильный ли человек Николай Ильин? И другой вопрос: мстительный ли он? Отчего-то засело в голове полковника определение: поквитался. Именно так: поквитался, а не отомстил! Но отчего? В чем разница? Артемов невесело ухмыльнулся, придя к странному выводу: если бы морпех отрезал у Сулеймана уши и затолкал их ему в задницу, то стал бы мстительным. Николай просто отдал должное. Можно сказать, по-русски. И хватит об этом.

Что ему можно обещать, Артемов пока не знал. Не знал и другого: стоит ли помогать Ильину? Хотя нет, вопрос нужно поставить немного в другой форме: захочет ли морпех принять помощь? В какой-то степени «обнародование» этого дела принесет бывшему спецназовцу большую уверенность, он обретет наконец-то душевное равновесие. Но все же цену придется платить немалую: к уже имеющимся восьми годам колонии прибавится минимум еще столько же. Короче, не разберешь, что лучше: ужасный конец или ужас без конца.

Скрупулезная помощница Артемова, готовя в дорогу документы, подшила к делу и справку о воинской должности Николая Ильина. По непонятной причине (скорее, затягивая паузу) полковник не просто пробежал ее глазами, а вчитался в каждое сухое казенное слово:

\* \* \*

*Николай Сергеевич Ильин (позывной – «Чила»), 1979 года рождения.*

*Военно-учетная специальность – стрелковые и разведывательные специальности.*

*Штатная воинская должность – разведчик.*

*Штатное воинское звание – матрос.*

*Разведчик морской пехоты решает задачи по сбору информации о местах дислокации, вооружения и численном составе предполагаемых частей и подразделений противника.*

*Полученные разведчиком данные используются командованием для оценки обстановки и принятия решения по ведению боевых действий.*

*Боевая деятельность разведчика осуществляется на наблюдательных пунктах, в разведдозорах, поисковых и разведгруппах, действующих на линии соприкосновения с противником и в его тылу, с использованием следующих способов разведки: наблюдение, засада, налет, опрос местных жителей, прослушивание радио- и телефонных переговоров, захват пленных и т.п.*

*Разведчик должен: хорошо знать вооружение и тактику действий подразделений и частей противника; стойко переносить жару и холод; уметь совершать многокилометровые марши по труднопроходимой местности; делать проходы в минных полях и заграждениях противника; с ходу вступать в бой и уходить от противника; хорошо владеть приемами рукопашного боя, всеми видами стрелкового оружия, ножом; уметь ориентироваться на месте и определять координаты целей и объектов противника; уметь вести скрытое наблюдение.*

*Разведчик морской пехоты должен иметь морскую подготовку, в совершенстве владеть личным оружием, успешно выполнять задачи при действии подразделения морской пехоты в наступлении, встречном бою, обороне, при форсировании водных преград, уметь плавать, десантироваться на морское побережье с десантных плавсредств или с парашютом.*

*Разведчику при выполнении своих обязанностей приходится действовать в сложной, порой экстремальной обстановке, в любое время суток, в любых погодных условиях. При*

*выполнении боевой задачи разведчик должен быть физически и морально готов к захвату пленного («языка»).*

\* \* \*

Все это разведчик морской пехоты знает, умеет. Говоря все тем же суховатым языком, «умело применял в ходе боевых операций». Строки этой справки словно окунули Артемова совсем в другую среду, где они словно распаковывались из архива. *Стойко переносить жару и холод...* И Артемов буквально видит морпеха Ильина в том же встречном бою; слышит свист пуль, мат, отдельные бессвязные выкрики, сухие щелчки полных магазинов, встающих на место отработанных, металлический лязг затворов; вместе с Чилой он задыхается от пороховых газов, висящих над прожженной солнцем ложиной, над распадком, где он нашел очередное укрытие, отыскивает взглядом и бежит к следующему... Меняется картина, день уступает место непроглядной ночи, мечутся фантастическими шмелями трассеры, снег окропляется чьей-то кровью – своей ли, чужой?.. Кровь, она и есть кровь. *Физически и морально готовый к захвату пленного*, Чила берет «языка», наотмашь бьет его прикладом, связывает, находит на стволе посеченной осколками березы розетку, включает в нее утюг...

Все это уже из другой, прошлой жизни Николая Ильина. Были такие эпизоды в его криминальной биографии или не были, сейчас значения, наверное, не имеет. Фактически путь назад ему закрыт.

В заначке у него осталось тридцать «штук» баксов...

– Скажи-ка мне, Коля, а ты не мог отдать долг своим друзьям? В пересчете на рубли твоя заначка вытягивает на миллион рублей.

– Не, – Ильин хмыкнул. – Речь шла о совсем других деньгах.

«Бригада, – веско и коротко подумал Артемов. – Пора бросать этого Ильина, а то и меня припрягут к каким-нибудь разборкам, повесят какой-нибудь долг, начнут вышибать и руки выкручивать». Также он поймал себя на мысли, что все соответствует его прежним думам и сравнениям. В этом «стольпине» он услышал столько новых выражений... Ладно хоть воображение развито, тихо порадовался за себя Артемов, ни разу не переспросил, не обратился за переводом: что значит этот оборот, а что другой. Постигал современные полукриминальные науки из первых рук.

Чила...

Кличка у Ильина была какая-то бандитская, воровская. Не позывной, а натуральное «погоняло». В большинстве случаев бойцы сами выбирают для себя позывные, а этот?..

На вопрос полковника Ильин ответил с легкой улыбкой:

– Еще со школы прилепилась. У нас футбольная команда неплохая была, я в воротах стоял. Частенько к центру поля выбегал – орал, разводил. Пенальти бил. Как Чилаверт.

«Знаю такого», – кивнул Артемов. И вдруг вспомнил, что вратаря парагвайской сборной Чилаверта подозревали в связях с мафией. Уже не говоря о том, что южноамериканский Чила пользовался непререкаемым авторитетом у властей страны. Многозначительно, словно он был прокурором международного трибунала, Михаил Васильевич подумал: «Все сходится».

– Вообще – не было бы счастья, да несчастье помогло, – сказал Ильин, потянувшись к очередной сигарете. – Теперь у пацанов ко мне претензий не осталось. Когда приехал на похороны, братва тут как тут. Спросили, нужна ли помощь. Давай, говорят, мы завалим этого волка. Не, отвечаю, это мое личное дело, сам справлюсь. Сказал, чтоб не вмешивались. Как хочешь, отвечают. Если что, обращайся, поможем. После я Сулейману «армейский шампур» и продемонстрировал.

«Шампур», – вздохнул Артемов.

– Я вот чего не пойму: все твои разговоры, вся твоя доармейская жизнь сводилась к деньгам. Согласись, есть вещи и поважнее денег.

– Так только бомжи рассуждают, – просветил полковника Чила. – Я не из тех людей, которые радуются тому, что у них есть. Что касается жизни – я вообще ничего не знаю о ней. Как и ты. Мне нравилось состояние, в котором я варился, процесс. У тебя напряжение 220 вольт, а у меня – 380. Если я подключусь к твоей розетке, буду ходить, как старый пердун. У тебя детство и юность изуродованы для того, чтобы старость твоя была обеспечена. Мне же никакие иллюзии не нужны: один родился, один и умру. И вообще это дохлая тема, не хочу о ней говорить. Полюбили и забыли.

Артемов не услышал последней фразы, его поглотила очередная мысль. Что, если, думал он, удастся найти кассету, на которой Пашка Ильин «приляпывает» свиные уши к зеркалам заднего вида сулеймановского «мерса». Кто знает, может, по этому факту милиции удастся установить убийцу 15-летнего парня? А значит, и в какой-то степени оправдать Николая Ильина.

Хотя бесполезно, наверное. Скорее всего Сулейман уничтожил эту важную улику.

## 10

Старший наряда милиции, стоявший на границе парковочной площадки и широкого мощеного тротуара, ведущего к центральному зданию железнодорожного вокзала, толкнул товарища в бок и указал на растущую толпу возле припарковавшегося автобуса.

– Чмошники! – коротко хохотнул старший сержант. Так он называл либо разношерстных и разнuzданных призывников – в основном поддатых или с глубокого бодуна, либо только что примеривших военную форму салаг, перегоняемых в другие подразделения. Последние особенно вызывали смесь пренебрежения, превосходства и рождали ядовитую подковырку: «То ли еще будет, ой-ой-ой!» Короче, копаем от забора и до обеда.

«Чурбаны», выстраивающиеся перед автобусом, имели, на взгляд старшего сержанта милиции, жалкий вид: рукава шинелей непомерно длинные, хлястики на заднице, сапоги в трубочку, а не по-щегольски гармошкой, головы тонули в шапках. Лишь два человека имели благообразный вид: лейтенант и его заместитель с лычками старшего сержанта. Они были подтянуты, имели настоящую военную выправку. Сапоги – у офицера яловые, а у сержанта «дедовские» юфтевые – блестели и носили явно выраженные признаки мехов гармонии, о которых подумал милиционер. В общем, полная гармония.

– Попрут через центральный вход, – с первого раза угадал патрульный. И начал жить предвкушением того, как он развернет «чмошников» и укажет им другой путь – подземный, по тоннелю. Но все равно они окажутся в зале ожидания и зассут весь туалет. Причем бесплатно. Буквально пару дней назад сержанта приспичило по большому, и он занял кабинку в туалете, который был буквально оккупирован призывниками: то ли таджиками, то ли узбеками (где таких набрали – не поймешь). И вот до сержанта в один из кульминационных и ответственных моментов донесся чей-то «акцентированный» шепелявый голос: «Ты че там пердишь!» В тот раз свою задницу милиционер вытер плохо. Однако когда он вырвался, как заключенный на волю, из кабинки, вестибюль туалета был пуст. Толпа «воинов-интернационалистов» уже сидела в зале ожидания. И по голосу не определишь – все на один голос. И вообще как выразить свои оскорбленные чувства, с чего начать пристрастный допрос? С фразы: «Кто из вас сказал, что я пердел?» – которая разнеслась бы по всему вокзалу со скоростью того же неприличного звука?

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.